

Татьяна Ван
Мелодия тумана

Татьяна Ван
Мелодия тумана

«Издательские решения»

Ван Т.

Мелодия тумана / Т. Ван — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-984699-0

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Две тайны. Одна касается прошлого, вторая — настоящего. Со Джонг Хён приезжает на каникулы к своему другу в Англию, но ввязывается в мистическую историю, полную страха и таинства. Он влюбляется в необычную пианистку, а вместе с этим открывает настоящий ящик Пандоры. В этой истории XVIII и XXI век слились воедино, чтобы пролить свет на страшную гибель. Игры со смертью, предательство, отчаяние и любовь. Здесь с каждой страницы веет холодом, промозглым туманом и горечью запретных желаний.

ISBN 978-5-44-984699-0

© Ван Т.

© Издательские решения

Содержание

Часть Графства Беркшир, Англия	6
Лето 1997 года	9
Глава №1	13
Лето 2017 года	13
Глава №2	16
Глава №3	19
Глава №4	23
Глава №5	26
Глава №6	30
Глава №7	33
Глава №8	37
Глава №9	40
Глава №10	42
Глава №11	44
Глава №12	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Мелодия тумана

Татьяна Ван

Иллюстратор Татьяна Алексеевна Коннова

© Татьяна Ван, 2020

© Татьяна Алексеевна Коннова, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4498-4699-0

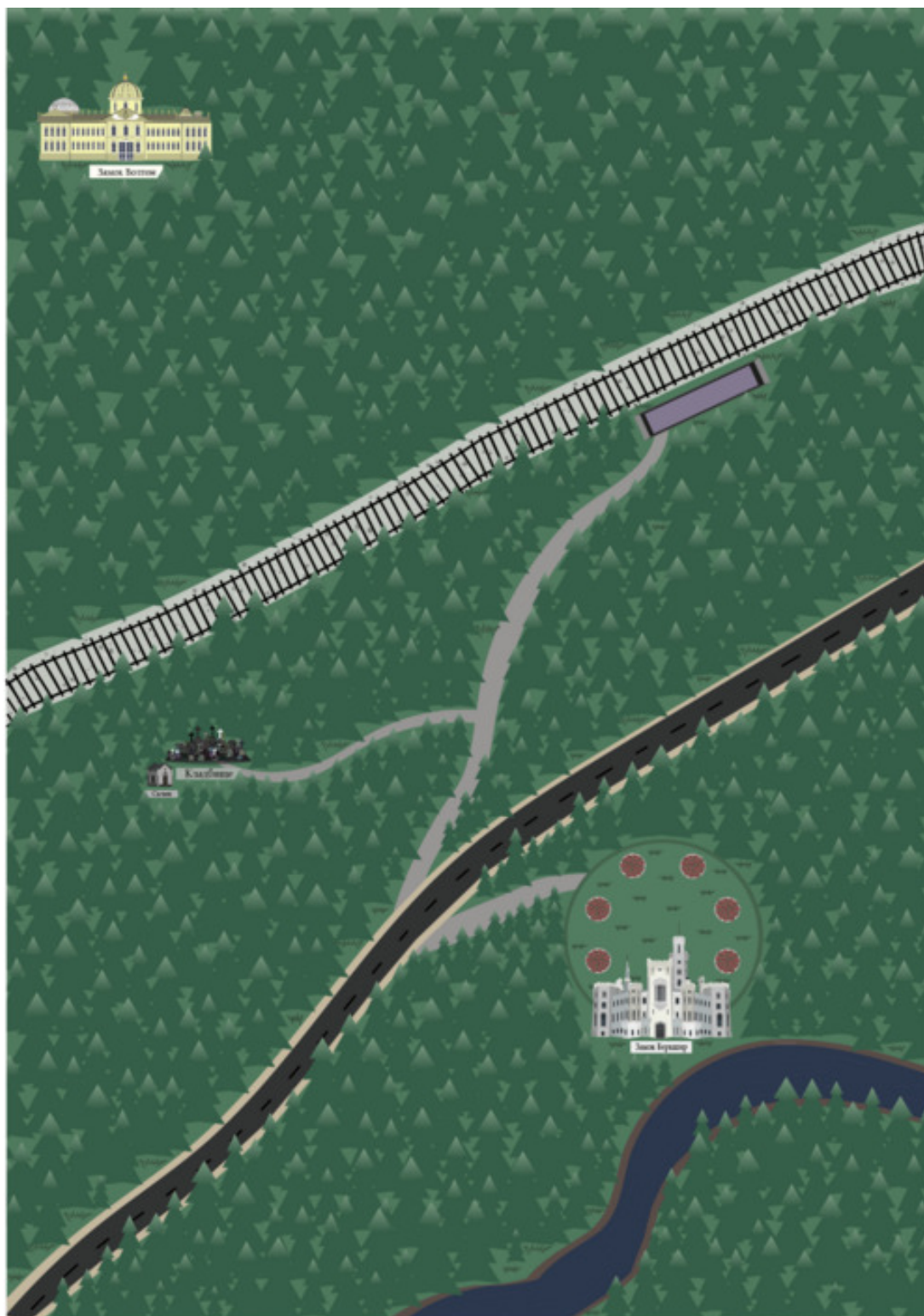
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Этот замок – привилегия по праву рождения, от которой нельзя отказаться.

© к/ф *Багровый Пик*

Советую послушать композицию Людовико Эйнауди «Nuvole Bianche». Это своего рода OST к «Мелодии тумана».

Часть Графства Беркшир, Англия

Пролог

Лето 1997 года

Туман, как ватное одеяло, окутал Англию и погрузил страну в неуютную тишину и покой. Часы показывали полдень, но жители графства Беркшир уже готовы были отложить все дела и провалиться в крепкий сон. Дождливое лето нагоняло на всех тоску и усталость, от которых вылечить могли только красочные сновидения.

– Эдвард, мне срочно нужно в Лондон, – в комнату к десятилетнему мальчику зашел высокий молодой мужчина скандинавской внешности – с волевым подбородком, длинной шеей, широким лбом и пронзительными, светло-голубыми глазами. На вид ему было не больше тридцати лет и звали его Рональд Феррарс.

Мужчина прошел в помещение, заставленное дорогой и старинной мебелью в стиле ренессанс, сел на край кровати рядом с сыном и погладил его по белой макушке. Мальчик устало зевнул и посмотрел на отца.

– Пап, не уезжай, – попросил Эдвард, откладывая в сторону пластмассовые фигурки лошадок, с которыми играл последние два часа. – Мне страшно одному оставаться в замке.

– Эдвард Рональд Феррарс, тебе уже полных десять лет, будь мужчиной. Я в твоём возрасте очень часто оставался один и ничего не боялся. Тем более ты будешь с нашей экономкой – Мэри. Вы поиграете, почитаете книги. Ну, ты чего раскис?

– Не хочу! – загнутил мальчик. – Мне все равно страшно! Та девушка опять ко мне приходит.

Тяжело вздохнув, Рональд погладил сына по худощавому плечу и посмотрел на часы, которые висели над просторной кроватью. Тонкие позолоченные стрелки показывали первый час. В Лондоне Рональда ждали к четырем.

– Эд, не бойся ее. Девушка не причинит тебе боли.

– Нет, папа, я ее боюсь!

Лазурные глаза мальчика распахнулись от ужаса и налились слезами. Со стороны казалось, что начал таять вековой лед.

– Она ведь такая добрая, – ласково протянул отец в надежде успокоить перепуганного сына. – Я считал ее в детстве своим лучшим другом. Твой дед и прадед – тоже.

– А я не считаю ее своим другом! – пискляво крикнул Эдвард. – Она мне никакой не друг. Она... она... даже не человек!

Звон мальчишеского голоса заставил дребезжать все хрупкие предметы в его комнате – трельяжное зеркало, мелкие безделушки, коллекцию фарфоровых игрушек, которые Рональд привез из Германии в прошлом году. Казалось, даже высокие продолговатые окна заходили ходуном. Терпению Феррарса-старшего пришел конец.

– Прекрати! – рявкнул Рональд и встал с кровати, на которой визжал и извивался его сын.

– Это твой замок! Он будет принадлежать тебе после моей смерти! Не забывай, ты наследник всего, что здесь находится. Тебе некуда деваться!

– Нет! – вновь опроверг мысли отца Эдвард. – Я никогда не буду здесь жить! Ни за что!

– Ты уже здесь живешь, – процедив сквозь зубы, напомнил Рональд. Его лицо стало покрываться красными пятнами, руки то и дело сжимались в кулаки, а ноздри раздувались от гнева. Рональд больше не кричал, но весь его вид говорил только об одном – мужчина взбешен. Казалось, даже его грудная клетка из-за глубокого и частого дыхания увеличилась в несколько раз.

– Помни, Эдвард, ты – мой сын. Ты – наследник всего, что я имею. И тебе некуда идти. Ты будешь жить в замке Беркшир со мной и с ней!

– Я тебя не просил об этом. Я не просил тебя привозить меня сюда. Я вообще не просил тебя быть моим отцом! – выкрикнул Эдвард и отвернулся от отца.

Бросив на мальчишку грозный взгляд, Рональд вышел из его комнаты и с грохотом захлопнул за собой высокую, деревянную дверь.

Рональд шагал по длинному коридору и делал вид, что не слышит, как надрывается в истерическом вопле его десятилетний сын. Феррарсу надоели эти ежедневные концерты – он твердо решил перестать обращать на них внимание, надеясь, что таким образом воспитает из сына сильного мужчину, который больше не будет распускать сопли и наконец примет свою судьбу.

Рональд сидел в столовой за большим, квадратным столом и потирал ладони друг об дружку. Время от времени он ковырял на них кожу, но, казалось, совсем этого не замечал. Его действия были неосознанными и рефлекторными. Даже тиканье часов не отвлекало внимание задумчивого мужчины.

Когда в помещение зашла экономка, Рональд не сразу заметил ее. Только когда услышал позвякивание сервиза – Мэри принесла обед, – дернулся всем телом и вернулся из своих мыслей в реальный мир.

– Мэри, сегодня я не буду обедать. Сделай мне травяной чай. Голова болит, сил нет.

– Как же так? Впереди долгая дорога до Лондона. Когда же Вы пообедаете? – удивленно воскликнула женщина. Она уже поставила на стол жаркое и хлеб.

– Я недавно пил кофе, не успел проголодаться.

– Хорошо, как пожелаете, – вздохнула экономка и вернула обед на посеребренный поднос. – Жалко, еда очень вкусная.

На это Рональд ничего не ответил. Прижав правый локоть к столу, он запустил худые пальцы рук в свои блондинистые волосы и тяжело вздохнул.

– Мне нужно вести себя с Эдвардом строже, тогда он перестанет плакать и примет все, что положено ему по наследству, – вслух размышлял Рональд, наблюдая, как Мэри наливает ему травяной чай в фарфоровую чашку, обрамленную позолоченным рисунком.

Мэри, не ожидая, что хозяин начнет делиться с ней своими делами, замаялась. Она стала главной экономкой только несколько месяцев назад и еще не привыкла разговаривать с Феррарсом на темы, которые не касались хозяйства. Хотя знала от прошлой домовладелицы, что Рональд не делил людей на классы и общался со всеми на равных. Мог даже совета попросить, если посчитал бы это уместным.

– Да, наверно, – подтвердила Мэри и пододвинула чашку с чаем Рональду.

– А что ты думаешь по этому поводу? Ты ведь женщина, мать. Как ты воспитывала своих детей?

– Как и все. Я просто их очень любила, – мягко улыбнулась Мэри. Она была среднего возраста – не больше сорока пяти лет. Хотя у висков прослеживались первые признаки старения – белые пряди волос. – Моему первому сыну двадцать пять лет, он успешный семьянин, работал на ферме у Вашего отца, сейчас перебрался в Лондон. Дочке всего пятнадцать. Она у меня красавица и умница. Мне сложно сказать, почему они такие. Наверно, на то воля Божия.

Рональд вздохнул и отпил немного чая.

– Я не знаю, как воспитывать сына. Мы переехали в замок два года назад, сразу после смерти отца, и все эти пять лет Эдвард только и делает, что хочет удрать отсюда куда подальше. Я устал, Мэри, я очень устал.

– Он у Вас очень нежный, – сказал Мэри. – Тем более не мне Вам говорить, что он пережил. Поймите его – он рос без матери, без...

Мэри внезапно замолкла.

– Да, я помню. Но должен же он быть мужчиной!

– Рональд, к нему нужен особый подход. Обнимите его, скажите, что любите и хотите, чтобы он принял наследство. Ему сейчас очень сложно. Он ведь вырос не здесь. Прислушайтесь к его желаниям, Рональд. У него они не такие, как у Вас в его возрасте. Его не готовили. Психологически он слаб.

В столовую проник один единственный луч летнего солнца. Он еле-еле пробился через серые тучи, добрался до обеденного зала и, как маленький ребенок, начал играть с чайным сервизом в руке Рональда.

Замок окутывала атмосфера спокойствия и блаженства. И только в душах его обитателей царил хаос, и бушевала снежная выюга.

– Знаю, – вздохнул мужчина и провел ладонью по гладко выбритому лицу. Рональд набрел на тупик. Ни ласка, ни грубость не помогали воспитывать Эдварда. Все попытки наладить отношения с мальчиком неизменно заканчивались трагедией. Эдварду не нужны были ни дорогие игрушки, ни вкусные угощения, ни лучшие учителя и постоянные развлечения. Рональд старался бить в одну точку, желая расположить Эдварда к себе, но постоянно промахивался, попадая куда-то «не туда». А после этого злился, кричал и делал только хуже. Иначе Рональд просто не мог. Еще с юных лет у него сформировалась привычка: быть нежным только тогда, когда этого требовала ситуация. В других случаях мужчина напоминал пробудившийся вулкан или хитрую лису.

– Мэри, принеси, пожалуйста, аспирин. Голова раскалывается. Сегодня Эдвард превзошел себя по громкости. Надо же так орать! Даже травяной чай не справляется с этой тяжестью в висках. Я не могу ехать в Лондон в таком состоянии.

– Конечно, – Мэри подошла к двухметровому серванту, который находился в нескольких шагах от обеденного стола. На фоне массивной мебели экономка выглядела Дюймовочкой – она была такой же маленькой и хрупкой, как двадцать лет назад, когда только устроилась на работу рядовой прислугой к отцу Рональда Уильяму Феррарсу.

Открыв нижнюю дверцу серванта, Мэри вытащила красную аптечку и уже через минуту стояла рядом с Рональдом, протягивая ему стакан воды и таблетку. Когда мужчина выпил лекарство, Мэри также быстро убрала все на место и начала прибираться на столе.

– Думаю, перед отъездом Вам нужно прилечь, – предложила Мэри, когда все было убрано. В центре стола осталась только белая вазочка с полевыми цветами, которые Бернард – садовник замка Беркшир – приносил каждые два дня. На бледно-персиковой скатерти они сразу бросались в глаза.

– В доме всегда должны быть цветы. Они напоминают нам о жизни, которая также хрупка, как и их листья. Жизнь нужно беречь, – говорил Бернард, когда протягивал экономке ромашки, васильки или луговые гвоздики.

Рональд поднялся из-за стола и разгладил руками черный пиджак.

– Нет времени на отдых. Мне пора ехать.

– Ваш портфель у входа. Я собрала все необходимое.

– Спасибо, Мэри, – Рональд кротко улыбнулся и скрылся за дверью.

А в это время в комнате Эдварда появилась худощавая, белокурая девушка. Она грустно смотрела на плачущего мальчика, не зная, как его успокоить и нужно ли вообще это делать.

Незнакомка была одета в кремовое платье, которое струилось вниз по узкой фижме. Легкую ткань наряда обрамляла ручная вышивка из коричневых нитей с позолоченными вставками.

Но не только наряд девушки казался странным. Стянутая корсетом грудная клетка не вздымалась, а лицо прекрасной незнакомки казалось прозрачным. Только когда девушка отошла от естественного света в тень, ее кожа стала почти такой же, как и у обычных людей. Единственное, в ней не было ни капли крови. Щеки отдавали смертельной белизной, губы

напоминали две синеватые льдинки, но при этом ее голубые глаза и белокурые волосы притягивали словно магнит. Они пугали, но в это же время завораживали. Незнакомка казалась хрустальной куклой.

– Проваливай! – Эдвард запустил пластмассовой лошадкой в девушку, отвернулся к стенке и с силой сжал пуховую подушку. Его ладони вспотели, а спина покрылась стайей мурашек. Они напоминали муравьев, которые бегали от шеи до поясницы, желая выиграть мнимые гонки.

– Я сильный, я не буду плакать. Я просто уеду из этого замка и все, – просипел юнец и закусил губу до крови. Мурашек становилось все больше. Но уже не от страха – комната начала покрываться инеем. Становилось холодно до костей.

– Когда же ты провалишь? – пропищал Эдвард, не смея повернуться к знакомке лицом. Девушка стояла у окна, а прямо за ней на подоконнике лежала пластмассовая лошадка, которую недавно запустил мальчик.

Уже через секунду Эдвард остался в комнате один. Его незваная гостья растворилась, не оставляя после себя даже дымки. Она исчезла, словно ее и вовсе не было в комнате. Только лютый холод напоминал о недавнем присутствии призрака.

В комнате стало теплее уже через несколько минут. Когда Эдвард почувствовал, что его больше не колотит от холода, он сел на кровати и стал смотреть, не моргая, в одну точку – на дверь, которая разделяла его и длинный коридор замка на втором этаже. Именно в тот момент мальчик поклялся, что уедет из отцовского имения навсегда: выйдет за пределы своей комнаты и уже больше никогда не переступит ее проклятого порога.

Когда Эдвард Феррарс принял это решение, его сердце колотилось как у спортсмена, пробежавшего марафон. Мальчик был воодушевлен идеей побега как никогда – ему хотелось заливисто смеяться и танцевать. Счастье переполняло его до краев!

– Когда-нибудь я сбегу, дайте только узнать, где находится моя мать.

В эту же минуту Эдвард спрыгнул с кровати и подошел к окну. Выглянув в парк, он сразу заметил, как его отец идет к черным воротам, за которыми стояло такси. Когда машина уехала, Эдвард отошел от окна, а после снова лег на кровать и задумался. Если еще пару дней назад мальчик не знал, покинет Беркшир или нет, то сейчас сомнения перестали давить на него тяжким грузом. Эдвард знал, что делать.

Глава №1

В июле 2017 года я впервые покинул Южную Корею и отправился на короткие каникулы к своему другу детства Арону Ли в Англию – в старинный родовой замок семьи Феррарс. На тот момент хозяином нескольких сотен комнат был Рональд Феррарс – мужчина пятидесяти лет с лазурно голубыми глазами и легкой проседью на макушке и висках. Он был давним другом матери Арона еще с молодости, поэтому, когда мой друг учился в Англии, во время каникул жил у него. Летом 2017 года, переполненный томными надеждами, я ехал к ним в гости.

Я помню день своего отъезда, словно прожил его только вчера, хотя прошло уже больше тридцати лет. Если быть точным, то тридцать два года.

Когда я стоял в аэропорту и ждал начала регистрации на рейс, даже представить не мог, какую цену я заплачу за эти каникулы. И я говорю не о билетах на самолет. Месяц в Англии перевернул всю мою жизнь с ног на голову и обратно, а потом сказал: «Ну, ты это, живи, не болей». А я болел. Все эти долгие тридцать два года я страдал от хронического недуга под страшным названием «Ностальгия». И только сейчас, когда через неделю мне исполнится пятьдесят два, готов принять таблетку и вылечиться. Мое лекарство – это писательство. Если расскажу через текст все, что произошло со мной и моим другом летом 2017, болезнь отступит, и я продолжу жить обычной жизнью, больше не возвращаясь к тем страшным событиям моего томного юношества. В ином случае, болезнь уничтожит меня и тогда уже никто ни о чем не узнает; тогда Элиза Феррарс навсегда канет в Лету. Что ж, а этого я допустить ну никак не могу.

Присаживайся поудобнее, дорогой читатель. Мы едем в Англию.

Лето 2017 года

Международный аэропорт Инчхон¹ кипел. Гул людских голосов пробирался под корку мозга и нарушал внутренний баланс. Я стоял в эпицентре событий среди жужжащих людей рядом с мамой и оглядывался по сторонам, пытаюсь понять, где в этом огромном здании находятся терминалы самообслуживания для регистрации на рейс.

Нарастающий гул в аэропорту закладывал уши, отвлекал внимание и мешал сосредоточиться на главной цели – как можно быстрее пройти регистрацию и со спокойной душой настроиться на первый в жизни полет. Я никогда не летал. Я никогда не был в другой стране. Меня одолевало ядовитое волнение, но я не мог взять себя в руки и успокоиться – вокруг толкались люди и отвлекали меня. Они не давали сосредоточиться на важных мыслях и переживаниях. Я хотел четко представить и понять, куда мне идти, что делать, где сдавать багаж и где проходят паспортный контроль, – но не мог. Все давалось с огромным трудом. Лето – убийственное время для поездок. В аэропортах в этот сезон не продохнуть. Легче в космос улететь, чем в другую страну.

Кое-как добравшись до терминалов, я заполнил все паспортные данные и получил свой посадочный билет. Первый пункт был успешно выполнен.

– Джонг Хен, как прилетишь, обязательно дай мне знать, хорошо? – взволнованно попросила мама, когда мы стояли недалеко от паспортного контроля и прощались. Она бережно поглаживала мои растрепанные каштановые волосы. – Ты никогда не выезжал из Кореи, поэтому, пожалуйста, будь предельно внимателен ко всему, что видишь. Любая незначительная мелочь в чужой стране может иметь очень высокую цену. Тем более ты летишь в Англию.

¹ Международный аэропорт Инчхон находится в 70 км от города Сеул, столицы Южной Кореи. Крупнейший аэропорт в регионе. – здесь и далее примеч. авт.

Люди там очень сильно отличаются от нас. Они не такие учтивые и, возможно, даже высокомерные. Мне вот недавно тетушка СуЕн сказала: «Знаешь, ЫнХва, Англия – страшное место. Люди там интеллигентные, но ум их – потемки!». ДжонгХен, пожалуйста, следи за своим поведением и манерами. Не дай Бог влезешь в какую-нибудь неприятную ситуацию из-за местного менталитета.

– Мам, не переживай, все будет хорошо, – приобняв ее за плечи, я улыбнулся. – Я ведь буду не один, а с Ароном. Он живет в Англии уже несколько лет и знает эту страну вдоль и поперек. Он мне все объяснит и покажет, научит местным манерам, проинструктирует по всем правилам и пунктам. Да и каникулы мы проведем вдаль от шумного мегаполиса. Коттедж дедушки Арона находится в двух часах от Лондона, в лесу. Там закон не так важен.

– Закон и правила должны соблюдаться всегда и везде, ДжонгХен, – устало произнесла мама и, прикоснувшись к моей щеке тыльной стороной ладони, провела пальцами до острых скул. Наконец опустив руку, она устало посмотрела в мои глаза. Интересно, что она в них увидела – заячий страх или титаническую уверенность, которую я пытался изобразить?

– Хорошо, я буду их соблюдать, – я улыбнулся, ожидая следующих вопросов, прекрасно зная – это еще не конец. Обязательно будет что-то еще.

– Кстати, а там хоть связь есть? Ты сможешь зайти в интернет и написать мне? Если ты не будешь сообщать о себе хоть пару дней, я сойду с ума!

Я же говорил. Допрос был не окончен.

– Не переживай, связь есть, я буду сообщать тебе обо всем, что со мной происходит.

– Каждый день?

– Каждый день, – прошептал я и вновь крепко обнял маму.

Внешне казалось, что я спокоен, но внутри у меня, как воздушных шар, раздувался страх. Он готовился лопнуть и уничтожить меня.

Я безгранично радовался каникулам в другой стране, но и в то же время безумно переживал из-за плохого владения английским языком – британского произношения я так вообще не знал. Мне до спазмов в животе было страшно покидать родной и привычный Сеул. Я знал здесь абсолютно все – и местные законы, и жителей, многих из которых уже умел читать как раскрытую книгу. Корейцы – необычный народ. Они очень добродушны по натуре, где-то даже наивны и смешны. Однако, под этой оболочкой у многих скрывается непробиваемая броня стального характера – они никогда не дадут в обиду ни себя, ни родных и друзей. Даже незнакомцу придут на помощь. Здесь все – семья. На что способны англичане с их вежливостью и спокойствием – я не представлял. Мне казалось, мы никогда не сможем понять друг друга. И пока я стоял и улыбался маме, меня успокаивала лишь одна мысль – я буду со своим другом, который, в случае чего, обязательно спасет меня и вытащит из неловких ситуаций. И все же я тревожился – руки все больше потели, а удары сердца начинали оглушать.

Но маме я не раскрылся. Я не показывал ей свои терзания, стараясь оградить от лишних и ненужных переживаний. Она и так не спала несколько дней, думая о моей поездке в другую страну. Страшно даже представить, чтобы она почувствовала после моего признания.

Именно поэтому я взял себя в руки и делал вид, что ни капельки не волнуюсь. Я считал себя слишком взрослым, чтобы бояться. В тот год мне исполнилось полных девятнадцать лет. О страхе, как я считал, уже не могло быть и речи.

– Тогда отлично, – вздохнула мама и легонько похлопала меня по напряженной спине. – ДжонгХен, но все равно – будь внимателен.

– Обязательно, – я освободил маму из своих объятий и заглянул в ее карие глаза. В какой-то момент мне показалось, что она слишком быстро постарела. Ей было всего сорок три года, но за последний месяц ее свежее и лучистое лицо стало уставшим. Переживания прибавили ей дополнительные лет пять или семь. Мам, да что же это ты?..

Мне стало нестерпимо грустно. В голове невольно мелькнула мысль: «Нужно сдать билет, позвонить Арону и сказать, что я не смогу приехать по семейным обстоятельствам».

Но вместо этого я обнял маму в очередной раз:

– Мне пора идти, скоро начнется посадка.

– Сынок, отдохни хорошо! – крикнула мама, когда я уже подходил к паспортному контролю.

Услышав крик матери, я обернулся и ответил ей благодарностью и лучезарной улыбкой. Внутри у меня все тряслось и сжималось, живот еще сильнее сводило от страха перед неизвестным, но в материнских глазах я был само спокойствие. Наверное, подумал я тогда, так делают все дети. Мы не позволяем узнать родителям о своих страхах. Для них мы сильные и бесстрашные. Ни матерям, ни отцам не дано узнать, что творится на душе их детей, когда они говорят: «Я поступил в вуз», «Я устроился на новую работу», «Я решил жить отдельно». Они никогда не узнают, какие мы на самом деле трусы. Тем более мама воспитывала меня в одиночестве, отца я никогда не видел и ничего о нем не знал. А у таких детей, как я, еще больше трудностей. Я не мог показать слабину перед человеком, для которого был центром Вселенной. Я не мог обидеть родную мать, сказав, что трушу. Я не имел на это никаких прав.

Отвернувшись от матери, я набрал в легкие как можно больше воздуха, а потом резко выдохнул, думая лишь о своей поездке туда, где, кроме Арона, у меня никого не было.

– Здравствуйте, – я подошел к паспортному контролю и протянул мужчине свой документ.

– Добрый вечер, – тот поклонился в ответ.

Предвкушая месяц летнего отдыха за границей, в старом коттедже английской семьи, я последний раз взглянул на родной город, мысленно говоря ему: «До свидания». Самолет набирал скорость и уже через каких-то пару секунд взлетел ввысь, все больше и больше набирая высоту.

«Этот отдых будет незабываемым», – думал я, наблюдая за крошечными точками, которые на самом-то деле были огромными мегаполисами и домами, но не здесь, под облаками, а там, на земле.

До скорой встречи, Сеул.

Глава №2

Великобритания встретила меня проливным дождем и холодным ветром. Еще на высоте по иллюминатору скатывались струйки дождя, лишая меня надежды провести сегодняшний день на свежем воздухе. Во время полета я представлял, как насыщенно провожу первый день в новой стране – купаюсь, валяюсь на мягкой траве, потом перемещаюсь в гамак и беззаботно болтаю с Ароном. Но все мои планы смыл дождь. А дождь – названный брат Соединенного Королевства. Если он приходит в гости, то располагаетя и остается погостить на пару часиков, а то и дней.

Я слышал, что в южной части России в летнее время года идет грибной дождь. Этим термином называют осадки, которые накрывают страну в солнечный день. В Англии в жаркий день этого нет и быть не может. Посмотрев по сторонам после осадков, здесь чаще всего можно увидеть туман, а не солнце или радугу. Мы не в России. В Англии после дождя снова идет дождь. Холодный, мерзкий и тоскливый.

Это я прочитал в журнале авиакомпании и запомнил, кажется, на всю жизнь. Подача слов там была иной, но смысл я уловил. Англия – влажная часть страны. Здесь солнечных дней довольно много, но, если приходят тучи и начинается дождь, – это надолго.

А еще из-за дождя становится похолодало. Пока я шел по телескопическому трапу, меня трясло как при трескучем морозе. Я с детства не переносил низкие температуры и всегда старался их избегать. Мы даже придумали с мамой игру, когда мне было около шести лет. Если становилось холодно, я говорил: «Опасность! Первые признаки аллергии!». Это был знак. Мама тут же накрывала меня пледом и приносила горячий чай, чтобы избавить от «аллергии». Но в Хитроу не было ни пледа, ни чая, ни мамы. От мнимой аллергии меня никто не мог спасти.

Растирая себя руками, я шел за остальными пассажирами по трапу. Мне хотелось как можно скорее встретиться с Ароном, сесть в такси и очутиться в теплом и сухом коттедже. Казалось, я сойду с ума, если не окажусь в теплом месте сию же секунду.

Чтобы отвлечься от холода, я стал вспоминать, как познакомился с Ароном. Это случилось в южнокорейской начальной школе. Мы проучились в одном классе три года. Но когда нам было по семь-десять лет, ни о какой многолетней дружбе не шло и речи. Мы считали себя простыми знакомыми. В классе Арон сидел передо мной и время от времени поворачивался, чтобы попросить ластик или запасную ручку. Иногда мы виделись с ним на улице и беззаботно кидали друг другу «Привет!».

Но более тесно наше общение завязалось, когда мы вступили в школьную команду по футболу. Я стоял на позиции вратаря, а Арон был нападающим. Наверно, только в этой команде мы лучше узнали друг друга и к простому «Привет!» прибавилось: «Как у тебя дела? Что делаешь после уроков?».

Но в конце третьего класса Арон сообщил мне, что уезжает из Кореи в Лос-Анджелес на неопределенное время. А поскольку Ли родился и провел первые месяцы жизни именно в США – его отец американец —, не было ничего удивительного, что его мама ГаИн выбрала именно это место на карте Земли. Но она развелась с отцом Арона, когда мальчику исполнилось несколько месяцев. Они никак не могли вернуться к этому мужчине спустя десять лет. Видимо, дала о себе знать ее безграничная любовь к США. А проблемы эту любовь только усилили.

– Мне кажется, мы уезжаем из-за отчима, – как-то раз после футбола заявил друг. – В последнее время ЧжиХо и мама постоянно ругаются. А недавно я увидел разбитую вазу на кухне. В это время мама плакала в ванной и разговаривала по телефону с моей тетей. Наверное, та уговаривала ее уйти от ЧжиХо. Поэтому не удивительно, что мы летим в США – мама любит Америку больше, чем Корею. Мы жили здесь только из-за ее нового мужа.

Именно тогда, девять лет назад, мне и Арону пришлось расстаться. Казалось, мы потеряли связь друг с другом навсегда, но человечество придумало интернет – всемирная сеть свела нас через пять долгих лет. Это произошло совершенно случайно – оказалось, мы сидели на одном футбольном интернет-форуме. В один прекрасный день я наткнулась на никнейм «АрЛи» и тут же вспомнил, что так себя называл Арон, когда стал нападающим.

– Ну должна же у меня быть отличительная черта! Называйте меня АрЛи – сокращенное от Арона Ли.

– Твоя отличительная черта – это твое лицо, – смеялся защитник команды Пак БонСу.

– Ну и что, что я метис, – вставал на дыбы Арон. – В таком случае нет ничего плохого, если у меня будет две отличительные черты. АрЛи – нападающий сборной Южной Кореи по футболу. Да еще и метис! Круто? Круто!

– Мечтай больше, – не унимался БонСу.

Как известно: «Случайности не случайны». Именно по нику я узнал Арона и написал ему. После этого наше общение не прерывалось, хотя мы уже давно не были фанатами футбола.

Переписываясь в интернете сутками напролет, мы с Ароном стали теми, кем никогда не были – лучшими друзьями. Мы словно нашли друг в друге недостающие детали, без которых не представляли свое будущее. Я стал перенимать от Арона его благоразумие, трезвость мыслей и оптимизм, которых мне так не хватало в своем характере. Арон же получил от меня спокойствие и умиротворение, которые шли вразрез с его активным образом жизни. Мы были полной противоположностью друг друга, что и стало главным звеном в нашей крепкой дружбе.

Все портило только расстояние. Я все так же жил в Сеуле, а Арон в шестнадцать лет переехал в Англию, к другу своей матери – Рональду Феррарсу. В пятнадцать лет Ли загорелся идеей поступить в Кембридж на исторический факультет. Со своими знаниями он мог осуществить мечту на раз-два, но решил подстраховаться и получить аттестат A-Level² и рекомендательное письмо из британской школы. Когда Рональд узнал о планах Арона, он предложил ему на время обучения в школе и в университете пожить у него. Ли согласился. Он успешно окончил британскую программу и поступил в Кембридж. Когда я приехал в Англию, Арон закончил первый курс из трех обязательных.

Что до меня, в начале 2017 года я перешел на второй курс Сеульского колледжа предпринимательства³. Через год у меня должен был состояться выпуск и поступление в университет. Я собирался подавать документы на факультет экономики и управления.

Когда я получил багаж и вышел к месту, где встречали пассажиров, Арона среди восторженных лиц не оказалось.

«Так. Где Арон?! Где карие глаза, которые должны с восхищением искать меня в толпе?!», – подумал я в панике.

Я посмотрел на каждого человека среди встречающих, но ни в одном не узнал друга. Не было ни одного похожего на него парня – меня окружали типичные англичане, несколько немцев и, кажется, кто-то из средней Азии. Мой друг был метисом – наполовину американец, наполовину кореец. Не заметить его – значит поставить себе диагноз «близорукость». Арон выделялся даже если бы стоял рядом с другим азиатом. Его американские корни еще с детства бросались в глаза.

Подавив внутри легкую панику, я достал телефон и посмотрел время. Было девять утра. Позвонить Арону я не мог – за роуминг с меня бы сняли космические деньги. Чтобы начать звонить направо и налево, требовалось подключить специальный тариф, который в Корею пока-

² A-Level – двухгодичная учебная программа, которая предусмотрена британской системой образования и ведет к получению аттестата о полном среднем образовании.

³ Учебный год в школах, колледжах и университетах Южной Кореи разбит на два семестра – с марта по июнь и с сентября по декабрь. В промежутки у учеников каникулы и сдача экзаменов.

зался мне жутко дорогим. Вместо этого я решил купить новую симку по пути в Беркшир, чтобы не переплатить за нее в Хитроу и сэкономить.

Не найдя лучшего решения, я остался среди толпы встречающих. Но и их с каждой минутой становилось все меньше и меньше – дожидаясь своих друзей, коллег, любимых, они уходили вместе с ними и растворялись среди других пассажиров.

Прошло полчаса. Арона все еще не было. Я стоял недалеко от выхода возле окна и наблюдал за серыми бликами аэропорта, стараясь отвлечься от панических мыслей.

«Арон не мог обо мне забыть. Он не мог оставить меня здесь в одиночестве. Он надежный», – размышлял я, озираясь по сторонам.

При этом меня до сих пор морозило.

Не зная, чем еще заняться, я сел на лавочку недалеко от окна и стал представлять, как лежусь в теплой постели огромного английского коттеджа. Я настроил себя на нужную волну и начал погружаться в новую и совершенно чужую среду.

Контингент Хитроу сильно отличался от Инчхона. Я мгновенно почувствовал себя вдали от родного дома.

Сидя в углу около огромных окон аэропорта, я стал рассматривать людей разных национальностей, поражаясь их внешнему виду. Здесь были все: англичане, индусы, немцы, бразильцы, русские, китайцы. Все они отличались от корейцев так сильно, что и вовсе казались людьми с другой планеты. Я смотрел на них, готовясь вот-вот раскрыть рот и воскликнуть: «Ух ты!». Сеул пестрил эмигрантами и туристами, но не настолько. Вспоминая родные места, где все тянули звуки и разговаривали на повышенных тонах и эмоциях, будто ругаясь, я поражался контингенту Хитроу все больше и больше – здесь даже если кричали или громко разговаривали, то с претензией на интеллигенцию.

Глава №3

Я заметил Арона еще издалека. В этот момент с моих плеч сняли мешок с камнями. Как же я рад был видеть Ли! Он обо мне не забыл!

Пока я стоял и глупо улыбался, юноша среднего роста резво петлял между тихо идущими гражданами с чемоданами и сумками. Арон пробежал между людьми очень резво, стараясь быть как можно осторожнее, чтобы случайно не задеть ворчливых старушек. Я был наслышан, что в Англии чересчур обидчивые представительницы женского пола преклонного возраста, и Арон явно боялся задеть одну из таких.

Подбежав ко мне, Арон со всей силы сжал меня в своих объятиях, что-то быстро говоря на английском. То ли он забыл, что я плохо знал этот язык, то ли просто решил поиздеваться. Но вскоре Ли перешел на мой родной корейский.

Пока Арон рассказывал о пробках на дорогах, я глупо улыбался, рассматривая его. На фото он выглядел иначе. Вместо серьезного парня с прилизанными волосами, меня встретил чересчур эмоциональный парнишка с прической в стиле «Британка» и поднятой наверх челкой – видимо, Арон недавно подстригся. Да и вообще – он сильно изменился за девять лет. Вспоминая его в детском возрасте, я даже мысленно ухмыльнулся – от круглолицего мальчика непонятной национальности ничего не осталось. У Арона был острый подбородок, светлая кожа и широко распахнутые глаза. В отличие от меня, он как будто стал другим человеком. За девять лет я почти не изменился – все те же в меру раскосые глаза, смуглая кожа. Единственное, заметно похудел, делая акцент на своем точеном лице.

– Старина, как же я рад тебя видеть! – на эмоциях тараторил Арон, когда мы на всех парах неслись в черном такси в коттедж к Рональду. Ли сидел рядом со мной, не переставая говорить и активно жестикулировать. Что странно – дождь уже прошел. Видимо, он решил сжалиться надо мной и не затапливать страну, в которую я впервые приехал. – Девять лет! Ты только представь!

– Почти половина нашей жизни, – улыбнулся я, рассматривая Арона, который буквально разрывался от восторга.

Ли с детства был моей противоположностью – дерзкий, быстрый, харизматичный. Пока мы ехали в такси, я то и дело ловил себя на мысли, что могу разочаровать своего друга. Если Арон походил на картины Ван Гога в последние дни жизни художника, то я напоминал скучные угольные штрихи автора, лишённого таланта. Безликий и скучный.

Да, меня переполняла радость от встречи с другом детства ровно так же, как и его, однако показать это также эмоционально, я банально не мог. Каждая клеточка моего организма вопила от счастья и радости, но внешне я напоминал засыпающего удава. Это было не из-за усталости, навалившейся на мои плечи после длительного перелета, просто я не привык внешне демонстрировать чувства. Если и описывал что-то восторженно вслух, то очень редко.

– Какие у нас планы на сегодня? – спросил я, когда мы проезжали через поле.

– Сегодня тебе лучше прийти в себя после перелета. Я знаю, каково это – лететь из одной страны в другую, – уже более спокойно ответил Арон. – Сначала ты примешь душ, отдохнешь, а потом мы просто поболтаем перед камином. У Рональда отличный камин! Думаю, тебе понравится.

– Понравится, не сомневайся. Я люблю уют.

– Именно поэтому я пригласил тебя в Англию, хотя мог вернуться к матери в США и встретиться с тобой уже там, – хмыкнул Арон. – Я знаю, что ты любишь спокойствие и тишину, мог не говорить. А в Лос-Анджелесе ты бы сгорел так же быстро, как зажженная спичка. Несмотря на все величие и популярность, этот город эмоционально неуравновешен.

Даже меня истощает его невероятная энергетика. Ее, кстати, и в Сеуле хватает. Этот город тоже не в себе. А Англия, если забыть о Лондоне, совсем другое дело – тут дышится легче.

Я улыбнулся и снова повернул голову к окну, чтобы продолжить наслаждаться английской природой, словно сошедшей на меня со страниц романов Чарльза Диккенса. Я старался впитать в себя все увиденное – зеленые поля, уходящие вдаль пашни и небольшие деревенские домики, потрепанные временем. Проезжая мимо одной из таких деревень, я заметил скотный двор, на котором после холодного дождя паслись овцы. Я сразу вспомнил свое детство, которое время от времени проводил за городом у бабушки и дедушки. Они держали небольшую ферму в районе острова ЧеДжу и на короткие летние каникулы всегда приглашали меня пожить в их небольшом деревенском доме. Вдали от Сеула я отдыхал от загазованности, наслаждался девственной природой, зачитывался книгами английских писателей и утопал в красотах моря. Еще в тринадцать лет у меня появилась мечта – увидеть деревни Англии собственными глазами. Но я и представить не мог, что мое желание станет реальностью. Жизнь – удивительная штука. Порой она дарит нам именно то, что мы хотим уже очень давно. И когда я ехал в такси, мне с трудом верилось, что все увиденное мной – не воображение, а реальность. Даже присутствие Арона вызывало стаю мурашек на теле. Со мной был друг моего далекого детства, и это по своему возвращало меня в прошлое, в мою беззаботную жизнь.

Пока мы с Ароном ехали в такси, прохладный и сырой ветер врвался в машину через приоткрытые окна, трепал наши волосы, превращая их в соломенный хаос. Я был по-настоящему счастлив.

А потом я заметил, как на Англию начала опускаться легкая дымка. Она не подходила под описание тумана, но вот странность – именно эта картина летней Англии пробудила во мне чувства, о существовании которых я даже не догадывался. Те пережитые эмоции не поддаются описанию, мне очень сложно выразить их на бумаге. Смеем предположить, нечто подобное испытывают писатели и художники, когда находят «то самое» и начинают творить.

Глядя на природу, я как никогда чувствовал всю красоту жизни и благодарил ее за драгоценный подарок, который она вручила мне из протянутых рук моего лучшего друга. В тот день я был безмерно счастлив, хотя еще даже не видел, в каких условиях буду жить. В переписке Арон уклонялся от любых описаний коттеджа Рональда. Он хотел сделать мне сюрприз. Что ж, ему это удалось.

– Вот это домик! – не в силах сдержать удивления, воскликнул я, когда вышел из такси под серое небо.

Покинув душный салон машины, я не смог сдержаться и присвистнул, рассматривая великолепное кирпичное здание, больше похожее на замок, нежели на коттедж. Да что там, это и был самый настоящий старинный английский замок, красотой не уступающий дворцу самой королевы Великобритании. Я попросту проглотил язык, рассматривая каменные стены, которые слегка потемнели от пройденного времени.

– Арон, почему ты назвал этот дворец коттеджем?

– Обещал сюрприз? Это он и есть! Если бы я описал тебе все в красках, ты бы придумал фантастические вещи. А так, нет ожиданий, а значит – отсутствуют и разочарования. Сейчас ты в плюсе, – похлопав меня по левому плечу, сообщил Арон.

– Пытаешься цитировать Ремарка⁴? – заметил я и, как загипнотизированный, направился в сторону замка через большой парк. Я до последнего не веря глазам. Мне казалось, они нагло врут, проецируя мне картинку, которой на самом деле не существовало.

⁴ Эрих Мария Ремарк (1898—1970) – немецкий писатель XX века. Представитель «потерянного поколения». В романе «Мелодия тумана» главный герой имеет в виду слова Ремарка из «Триумфальной арки»: «Кто ничего не ждет, никогда не будет разочарован. Вот хорошее правило жизни. Тогда все, что придет потом, покажется вам приятной неожиданностью».

Прямоугольное трехэтажное здание чем-то напоминало неоготическую архитектуру. Несколько лет назад я увлекался разными стилями старинных сооружений, поэтому мог безошибочно определить, что за чудо стояло передо мной. Меня восхитило массивное здание из серого, но потемневшего камня и высокими круглыми башнями с отшлифованными зубцами. Окна замка походили на живые и грозные глаза, которые, казалось, замечали даже самые незначительные детали. Шаг влево, шаг вправо – расстрел. Или же нет! Больше всего они напоминали стеклянные порталы, за которыми пряталась чья-то заточенная душа. Великие писатели всегда описывали подобные дворцы как место несчастий.

От таких сравнений мне стало не по себе. В душе зародилась тревога и в какой-то момент мне показалось, что здание, погруженное в лесную местность, – живое. Я снова поежился. Только уже не мог понять – мне холодно из-за противной погоды или виной тому вековая энергетика, которая таилась в крепких стенах загадочного дома.

Это было даже больше, чем простое «Ух ты!». Увидев такой замок однажды, его невозможно было забыть.

И только большой парк из различных цветов и кустарников перед зданием согревал меня и дарил спокойствие. Его спроектировали в лучших традициях Англии – с дорожками из гравия, металлическими белыми лавочками, клумбами и маленькими мраморными скульптурами ангелов. Был даже фонтан-скульптура примерно моего роста – метр семьдесят семь, не больше. Мраморное лицо молодого человека выражало беспристрастность, а из его изящных рук плескалась вода, повышая и так высокую влажность воздуха. Фонтан стоял ровно по центру парка и уже от него, как солнечный лучик, прокладывалась дорожка из мелкого гравия к главному входу.

Я ежился от холода, жадно впитывая в себя все увиденное. Мне казалось, я попал в сказку, ведь даже мрак, который исходил от замка, лишал возможности ровно дышать. У меня участилось сердцебиение от такой красоты и величия.

– Пошли скорее внутрь, – позвал меня Арон. Он уже расплатился с таксистом и даже успел вытащить из багажника мой чемодан и дорожную сумку. А я ведь и вовсе забыл об их существовании. Вцепился в ремешок рюкзака и рад!

– Дождь может снова начаться, сегодня погода как никогда ужасна, – добавил Арон, когда заметил мою медлительность.

– Пошли, – я направился к парадному входу, но рассматривать замок не перестал.

На пороге у главного входа нас встретила экономка. Невысокая женщина старше шестидесяти лет в черном платье с белым передником улыбнулась нам с Ароном, когда мы вошли в помещение.

– Добрый день, молодые люди.

– Добрый день, Мэри, – поклонился Арон и дернул меня за рукав футболки – я же в это время с открытым ртом рассматривал внутренние убранства замка.

Было уже не до шуток – я и впрямь оказался в романе одного из своих любимых английских писателей. Я видел перед собой то, о чем раньше только читал: высокие потолки, украшенные резьбой и золотыми вставками; картины вдвое больше человеческого роста с изображениями королей и полководцев Великобритании; безымянные бюсты, статуи и доспехи.

Внутри замок полностью отражал стиль ренессанс. Вся мебель и двери показались мне чересчур массивными и изысканными. Но это было плюсом – такие габариты смотрелись очень роскошно и добавляли замку претенциозности. Особенно меня впечатлила огромная двухмаршевая мраморная лестница с площадкой. Она располагалась посередине парадного холла и имела два поворота – налево и направо.

– Здравствуйте, – я поклонился экономке. Мэри покорно ждала, когда я обращу на нее внимание. Потом она что-то еще пролепетала на английском и показала на чемодан и сумку. Я держал свои вещи в руках мертвой хваткой.

– Не переживай, сумки тебе принесут в комнату, – перевел слова экономки Арон и слегка хохотнул. Видимо, со стороны я напоминал рыбу, которую волнами смыло на берег. Так и представляю какими расширенными от удивления были мои глаза и рот.

– А? Хорошо, спасибо, – я снова поклонился женщине.

– Твоя комната на втором этаже, пошли, – сказал Арон и направился к широкой лестнице.

Глава №4

Если бы не Ли, я бы точно заблудился в длинных коридорах. Пока мы поднимались, он рассказал мне, что каждый этаж и каждая комната замка отведена для специальных нужд. На нижнем, нулевом, этаже располагались кухни, кладовые и комнаты для прислуги. На первом находились малая и большая столовые, каминный зал, картинная галерея, кабинет Рональда Феррарса и несколько жилых комнат. Как раз в одной из них и жил хозяин замка. На втором этаже располагались гостевые спальни, приемные салоны и несколько пустых залов, в которых раньше хранилось оружие и доспехи.

– Если я не ошибаюсь, один из хозяев замка в конце восемнадцатого века распродал все оружие. У него были финансовые трудности. Под угрозой стоял сам замок, поэтому ему пришлось пожертвовать дорогой коллекцией предков. Содержать все это не просто, – сказал Арон, делая маленький экскурс по истории замка.

Третий этаж оказался последним. Он считался самым мудреным из всех. Его коридоры пересекались, а лестницы путались.

– Будь осторожен на этом этаже. Как-то раз я блуждал здесь около часа. В 17—18 веках на нем жили хозяева замка. Они любили комнаты возле башен и крыши, а еще – излишнюю мудреность. Не хотел бы я каждый день проходить все эти коридоры, спальни и гостиные, чтобы найти лестницу и спуститься вниз. Не удивительно, что современникам с их быстрым темпом жизни это надоело, и они переехали на нижние этажи, многие из них даже жили в гостевых спальнях, – сообщил Ли и открыл дверь в комнату, которую мне выделили на месяц. Она находилась в северном крыле здания – с высокими продолговатыми окнами с видом на парк. Я зашел в небольшое помещение и присвистнул.

– Почувствуй себя принцем, – засмеялся я и сел на двухместную кровать, которая занимала почти всю комнату. Но шатра, как в прошлых веках, сверху не было.

Кроме кровати в комнате стоял комод, небольшой шкаф, кресло и тумбочка. Все было выполнено в приятных коричневых тонах разных оттенков – начиная от цвета «Кофе с молоком» и заканчивая горьким шоколадом.

– Я рад, что тебе нравится, – улыбнулся Ли. Он стоял у порога и смотрел на меня. – Еще на третьем этаже есть огромная семейная библиотека и несколько залов для приемов, которые сейчас пустуют. Я тебе их чуть позже покажу, ты пока переодевайся и минут через пятнадцать спускайся в холл. Я тебя встречу, и мы пойдем в малую столовую на обед.

– Хорошо, – я кивнул головой и выглянул в окно. В парке гулял мужчина в домашнем костюме. Он задумчиво шагал по гравийной дорожке и смотрел себе под ноги.

– Я точно в раю, – заключил я, обедая из посеребренной посуды.

– Вот так и живем, – улыбнулся Арон. Его явно забавляло мое состояние, хотя этим же вечером он признался, что три года назад вел себя примерно также.

– Кстати, а где Рональд? – Заканчивая с обедом, поинтересовался я. Про хозяина семейного замка я был только наслышан. Рональд Феррарс не встретил меня и даже не вышел к обеду.

– Он сидит в своем кабинете, заваленный бумагами. Как обычно – слишком много работы.

– А кем он работает?

– Рональд вроде бизнесмена. Он владеет несколькими фермами около Лондона. Разводит животных на убой.

– А этот замок? – я в который раз оглядел помещение с восторгом. – Откуда он у него?

– Рональд происходит из важной семьи. Если не ошибаюсь, его предки – Графы⁵, которые в 19 веке лишились титула. Кажется, один из наследников его продал. Но замок получилось отвоевать. Сейчас он – семейное наследство, которое переходит из поколения в поколение по мужской линии. Пусть у семьи нет титула, англичане не нарушают предписанных традиций.

– Ничего себе, я думал, что сейчас люди не живут в подобных местах. Это не дом, а музей какой-то, – вздохнул я. – А почему продали титул?

– Причина такая же, как и с коллекцией оружия и доспехов – финансовые проблемы. Наследники замка до последнего вгрызались в свое имение, ничего не жалея. А вообще, здесь хорошо, если подумать – много пространства, отличные комнаты, прислуга. А от парка и вовсе дух захватывает. Я очень полюбил это место за три года. Да и Рональду хорошо, когда в замке кто-то есть кроме него и прислуги, – Арон допил сок и отставил стакан в сторону. – Ну что, отдыхать?

– Давай, – я отодвинул огромный стул, на котором сидел, и снова огляделся в столовой. Она была роскошной – с длинным столом, высокими сервантами и большими картинами. Кажется, мы обедали в галерее искусств. – А у Рональда есть кому передать этот замок в наследство?

– Есть сын, но он не горит желанием тут жить. За три года я ни разу не видел Эдварда в замке. Да и вряд ли он появлялся тут до моего переезда. Кстати, одно из главных условий при получении этого шикарного места жительства – непосредственное проживание в нем. Если Эдвард не одумается, он явно в пролете. Больше я ничего не знаю. Рональд не любит говорить о сыне, а у меня есть свои дела – учебу в Кембридже никто не отменял.

Мой первый день на новом месте прошел потрясающе: я вдоволь отдохнул, набрался сил и уже вечером, сидя перед камином, начал делиться с Ароном тем, что произошло со мной за долгое и томительное время нашего расставания. Как оказалось, интернет не смог передать все, что происходило в наших жизнях, пока мы были друг от друга за тысячу километров. Никакие смайлы, гифки и даже короткие видео не смогли восполнить отсутствие близкого по духу человека. По факту, мы ничего не знали друг о друге до моего приезда в Англию.

Несколько часов я рассказывал о своих приключениях в Сеуле, о маме, о нелегкой учебе в школе, а после и в колледже. Арон тоже делился историями из жизни после переезда, миллиметр за миллиметром скрепляя нашу дружбу красной нитью судьбы.

Пока юноши отдыхали в огромных коричневых креслах у камина и наслаждались приятной беседой и теплом огня, за ними наблюдала белокурая девушка. Она сидела на самом дальнем подоконнике, слушала разговор и время от времени легко и непринужденно улыбалась. Ее лицо было бледно-серого цвета, а одежда напомнила платье, которое в двадцать первом веке молодые особы надевали на маскарадные вечеринки.

Девушка имела четкие очертания лица и фигуры – взглянув на нее, можно было подумать, что она живая. И только холод с синевой кукольного лица заставляли в этом усомниться. Писаная красавица напоминала скульптуру из айсберга, а не человека из плоти и крови.

Наговорившись, мы с Ароном разошлись по комнатам, чтобы забыться на какое-то время сном и как следует отдохнуть. Когда я зашел в свою комнату, меня снова одолел восторг. Что-то, а выражать эмоции по поводу дорогих интерьеров я умел. Тем более, если твоя комната не уступает апартаментам самых влиятельных Графов и Герцогов, сложно оставаться спокой-

⁵ Граф (эрл) и Графиня (использовались с 800—1000 годов). Графы – члены английского дворянства, которые раньше владели и управляли собственными землями – графствами, разбирали судебные дела в провинциальных судах по поручению Короля, собирали штрафы и налоги с местного населения. По иерархии: Король и Королева, Герцог и Герцогиня, Маркиз и Маркиза, Граф и Графиня.

ным и даже бесстрастным. Вне себя от свалившегося на меня счастья, я в очередной раз написал маме, что со мной все хорошо.

Я уже нежился в кровати на белых простынях, когда услышал приглушенную игру на фортепиано. Кажется, мелодия доносилась с третьего этажа.

«Наверно, прислуга развлекается», – зевнул я, но глаза открывать не стал. Только поморщился от неприятного и липкого ощущения – мне вдруг показалось, что кто-то взял в свои руки мое сердце и царапнул его ногтем.

А когда я начал проваливаться в забытие, мне привиделась незнакомая девушка. Она сидела за фортепиано и гладила клавиши тонкими пальцами рук. Именно эта незнакомка играла грустную мелодию, которая одновременно и ласкала мой слух, и царапала сердце. Как жаль! Я не мог разглядеть ее лица. Его скрывали длинные белокурые волосы, которые водопадом падали на худые плечи незнакомой пианистки.

Так я и уснул под тоскливую мелодию чей-то одинокой души.

Глава №5

– Как спалось на новом месте? – спросил Арон, когда мы утром встретились на втором этаже около лестницы.

Друг, как обычно, пребывал в хорошем настроении – энергия лилась из него, как молоко из кувшина. На этом фоне я сразу почувствовал себя неуютно. Казалось, я – увядший цветок, рядом с которым посадили только что распустившуюся красную розу.

– Голова раскалывается, – пожаловался я, спускаясь с лестницы. – Уснул прекрасно. Мягкие подушки, одеяло, простыня – все на высшем уровне. Закрывая глаза, я уже представлял, каким свежим и бодрым проснусь утром. Но, видимо, очень сильно устал после перелета, поэтому так и не смог прийти в себя. Сны еще какие-то дурацкие снились...

Я вспомнил странную пианистку и тяжело вздохнул. Я никак не мог прийти в себя после сна, в котором она музицировала.

– Это из-за смены часовых поясов. Не переживай, все устаканится, – подбодрил меня Арон, похлопав по плечу. – А сейчас пошли завтракать! Наша экономка Мэри по совместительству повар Рональда. Думаю, она уже приготовила много разных вкусностей. Набьем животы и сразу все образуются!

– И что вы обычно едите на завтрак? – поинтересовался я, следуя за Ароном по мраморной лестнице.

– Сейчас увидишь, – подмигнув, Ли засунул руки в карманы свободных хлопковых брюк и стал что-то насвистывать себе под нос. Кажется, это был мотив популярной песни местного поп-исполнителя. В этот момент я признал в Ароне не американца или корейца, а настоящего англичанина. Кажется, три года в Англии его сильно изменили.

– Овсянка, сэр! – Арон поставил тарелку с кашей передо мной. – Любишь?

– Как бы тебе сказать, – я грустно хохотнул и взял в руку маленькую, серебряную чайную ложку с красивой позолоченной гравировкой. Мы сидели в малой столовой за прямоугольным столом на двенадцать персон. – Я ее ем очень редко – раз в год или вроде того.

– Тогда спешу сообщить, что весь месяц – это твоя любимая еда на завтрак, – Арон сел рядом со мной и улыбнулся. – Приятного аппетита.

– Спасибо, – поблагодарил я, грустно вздохнув. – А остальные уже позавтракали?

– Ты про кого? – не понял друг.

– Про Мэри, прислугу. Когда едят они?

– У них отдельная столовая, – сообщил Арон и улыбнулся. – Ты разве не знал, что в замке не принято прислуге кушать за одним столом с гостями и хозяевами? Это, – Ли обвел руками помещение, в котором мы сидели, – только для нас.

– Знал. Просто подумал, что вдруг у вас другие правила.

– Нет, они такие же, как и везде, – пожал плечами Арон и еще раз обвел глазами большую комнату, задерживая взгляд на натюрмортах, которые висели на стенах. В этот момент я задумался:

«Если эту столовую называют малой, то каких размеров большая?».

– А Рональд? – не унимался я. Такой огромный замок, а кушали в нем, кажется, только Арон и я. Было неуютно сидеть за столом только в компании друга. Хотелось увидеть кого-то еще. Хотя бы хозяина замка. Не говоря уже о других членах семьи. Этот стол строили не для двух подростков. Он рассчитывался для большого и счастливого семейства.

– Наверное, сейчас придет, – нехотя ответил друг.

Мы начали завтракать. Арону я не поверил. Если бы Рональд собирался прийти, Мэри обязательно бы позаботилась и принесла еще один столовый прибор.

Я никогда не любил овсяную кашу, поэтому даже представить не мог, как проживу на ней весь будущий месяц. Арон же, пока я гипнотизировал эту жижу болезненно-бледного цвета, уже кидал в нее разнообразные фрукты и ягоды, совсем не обращая внимания на мою медлительность. Я искоса посмотрел на Ли и не решился проделать то же самое.

– Ты чего? – заметив мое замешательство, поинтересовался Арон. Он уже размешал фрукты в каше и даже успел съесть пару ложек. – Ты только попробуй ее! Мэри готовит потрясающую овсянку.

– Чувствую себя Генри Баскервилем, которому дворецкий принес овсяную кашу в русском сериале про Шерлока⁶, – пошутил я и взял в руки нож, чтобы накрошить в кашу банан. – Кстати, это ведь оттуда крылатое «Овсянка, сэр»?

– Да, – улыбнулся Арон и отправил в рот очередную порцию завтрака. По его лицу было видно, что он получал колоссальное удовольствие от овсянки. Его эмоции слегка притупили мою неприязнь. – Но ты не переживай и не пугайся раньше времени, мясо будет на обед.

В утренней атмосфере, которая была пропитана запахом каши, я снова ощутил негу. Она пробежала по моему телу от пяток по спине и слегка ударила в мозг, запуская в нем невероятной красоты салют. Да я в Англии! Меня переполняла радость. Сидя рядом с Ароном, я в очередной раз поблагодарил судьбу за такой чудесный подарок. Все, что меня окружало, было чудом: стол, гигантский сервант с посудой и какими-то безделушками, натюрморты, тикающие часы, холодный пол, который я ощущал босыми ногами. В тот момент я почувствовал себя героем романа. Не хватало только приключений и любовной интриги. Даже отсутствие хозяйина перестало смущать. Я принял это как должное. Наверное, думал я, у англичан не принято встречать чужих гостей.

Положив в тарелку как можно больше свежих фруктов – немного банана, абрикосов, слив, – я принялся есть. Как ни странно, на вкус овсяная каша была очень даже ничего.

Когда мы закончили завтракать, часы пробили десять утра.

Несмотря на пасмурную погоду, мы с Ароном пошли гулять по парку. Дождя не было, но воздух сохранил вчерашнюю влажность. А благодаря теплой погоде мы с другом мгновенно вспотели. Вот тебе и выехал из Кореи! Там было почти все то же самое – влажный климат и теплый воздух. Как же я этого не переносил. Влага и тепло создавали неприятные ощущения вечно сырого тела. Единственное, в Корее отсутствовал густой туман, который в Англии оказался постоянным гостем. Пока мы прохаживались по парку, он обнимал нас со всех сторон.

– И все-таки, почему за завтраком не было Рональда? – спросил я у Арона, когда мы проходили мимо фонтана мраморного юноши.

– Он просыпается и сразу начинает работать, – ответил Арон и засунул руки в карманы бежевых штанов.

Пока Арон шагал рядом со мной, я время от времени засматривался на его походку. Раньше мне не доводилось встречать людей, которые так уверенно ступали по дороге. Смотря на Ли, казалось, что он знает наперед, что его ждет в далеком будущем. Он почти парил над землей. Наверно, дело было в его худощавом телосложении. Юношу ничего не обременяло. Ведь даже я, вроде стандартный парень, заметно выделялся на фоне друга. Да и мою походку нельзя было назвать парящей.

– Иногда я не вижу его неделями, – продолжил рассказ о Рональде Арон.

– Даже так? – удивленно спросил я и посмотрел на друга.

⁶ «Приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона» – цикл советских телефильмов 1979—1986 годов режиссёра Игоря Масленникова, экранизация произведений Артура Конан Дойла о Шерлоке Холмсе.

– Да, он очень сильно занят, – вздохнул Ли. – Завтракает и обедает в кабинете. Вечером иногда выходит почитать газеты перед камином. Напоминает чем-то жизнь сурка, но ему нравится. Жить как-то иначе он просто не может. Как ты уже понял, в прошлом предки Рональда часто нуждались в деньгах и еле сводили концы с концами. Все наладилось только в начале двадцатого века. Дед Рональда начал разводить животных на убой. Потом все это разрослось, появились фермы, которые перешли в руки сына, отца Рональда. Этот бизнес – единственное, что держит род Феррарс на плаву.

– Зачем так надрывать себя, хотя можно выставить замок на продажу и получить с этого хорошие деньги? Путешествуй по миру, живи, не работай! Красота же.

– Они не могут, – вздохнул Арон.

– Почему? Чувствуют ответственность за замок? Или скучают по своему богатому прошлому при Короле?

– Не знаю, – холодно произнес Арон. Он явно не горел желанием обсуждать эту тему.

Мы шли в молчании около минуты, прежде чем Ли вновь заговорил:

– Знаешь, ДжонгХен, я очень хочу, чтобы Рональд наконец-то вышел на пенсию и отдохнул. Ему всего пятьдесят, а он уже неважно выглядит – усталость очень сильно сказывается на его лице. Плюс еще эти проблемы с сыном. Не понимаю, как он все это носит на своих плечах.

Я слегка приподнял брови и выжидающе посмотрел на Арона. Ли не спеша переставлял ногами, смотря вдаль – со стороны это выглядело очень эффектно. Лицо моего друга было таким же бесстрастным и каменным, как у политического вождя в последние годы правления.

– Эдвард отнял у Рональда желание жить обычной жизнью. Раньше, как мне рассказывала Мэри, Рональд не погружался в работу с головой, как сейчас. Он дарил свободные минуты и часы своей жизни Эдварду, который этого, как показало время, даже не оценил.

– А жена Рональда?

– Там какая-то запутанная история. Они развелись, когда Эдварду было то ли семь, то ли восемь лет. По рассказам Мэри, бывшая жена Рональда часто выпивала и, понятно дело, ему это надоело. Состоялся суд, у Рональда получилось лишить женщину родительских прав из-за ее пагубной привычки. Он оформил все документы на себя и был несказанно рад. Рональд души не чаял в Эдварде. Он всегда срывался с работы и прибегал к сыну по первому зову. Даже во время простуды Эдварда постоянно находился рядом с ним – подолгу сидел у него в комнате и читал сказки, чтобы мальчику не было скучно и одиноко. Мэри не позволялось этого делать, хотя она часто просила Рональда отдохнуть, – начал рассказ Арон. – Но в четырнадцать лет Эдвард сбежал из замка. Собрал рюкзак и удрал пока Рональда не было дома. Как он это сделал – загадка. Мэри предполагает, что за ним приехала либо мать, либо ее новый дружок. Иначе бы Эдвард до Лондона не добрался. Везде полиция, а он – несовершеннолетний. Пусть у женщины не было на него прав, об этом никак не узнать. А вот мальчик, который стоит на трассе и ловит попутку, сразу наводит на мысли. Мэри заметила пропажу мальчика еще до приезда Рональда. Вместе с садовником и другой прислугой она обыскала все в округе, но никого не нашла. Тогда приехал Рональд и первое, что он сделал – позвонил своей бывшей жене. Эдвард оказался у нее и сообщил, что не вернется в замок, как бы отец его не просил. И тут сразу задаешься вопросом. По сути, Эдварда воспитывал Рональд. Но по каким-то генетическим причинам он унаследовал скверный и взбалмошный характер своей матери!

Рональд опустил руки после побега сына. Не в прямом смысле, как ты уже понял. Он не забросил свое дело, наоборот, он ушел в него целиком, не оставляя времени на воспоминания. Если занять себя каким-нибудь сложным, требующим усидчивости делом – на грусть не остается времени. Ни на тоску, ни на воспоминания, ни на что. Только на то, чем занят – на работу.

– Но как Эдварду разрешили остаться с этой женщиной? У нее ведь не было на него прав.

– Снова был суд, в котором Эдвард имел право выступать ответчиком и заинтересованной стороной. Присяжные прислушались к его желанию уйти от отца. Да и мать уже не пила.

– Печальная история, – как-то слишком тихо ответил я, переваривая в голове услышанное.

Мне показалось очень странным, что мальчик, будучи еще четырнадцатилетним подростком, самостоятельно решил покинуть замок отца и вернуться к нерадивой матери. У этого должна была быть какая-то причина или мотивация. Подростки никогда не сбегают просто так. Показать свой характер они в силах и другими способами.

– А Мэри не говорила почему Эдвард не захотел жить в замке?

То ли мне показалось, то ли Арон замялся. Когда я задал ему вопрос, юноша тут же стал озираться по сторонам, делая вид, что любит природой. Вокруг росли цветы, летали бабочки. Не спорю, на фоне замка это выглядело прекрасно и эффектно, но Арон явно не торопился давать ответ на вопрос.

– Арон? – я попытался напомнить о своем присутствии.

– А, да, ДжонгХен, – Ли в растерянности почесал затылок, не глядя мне в глаза. – Я не знаю причину. Мэри ее не называла.

– Я бы очень хотел познакомиться с Рональдом и поблагодарить его за гостеприимство, – через пару секунд молчания сказал я, уставившись себе под ноги. Думать о причине отъезда Эдварда из замка я уже больше не хотел. Не мое дело.

В это время небо постепенно заволокло тучами. Мы с Ароном сделали еще один круг по парку и отправились обратно в замок. В любой момент мог начаться проливной и холодный дождь.

Глава №6

Было уже около двух часов дня, когда ко мне в комнату влетел счастливый Арон и сказал, что сегодня я познакомлюсь с хозяином замка. Рональд сам выказал желание разделить с нами ужин, откладывая все свои запланированные рабочие дела на завтрашний день.

– Я даже удивился, когда он позвал меня к себе. Обычно я вижу его только перед сном, когда он читает газеты в каминном зале или столовой, – Арон запрыгнул на мою большую кровать. От его приземления я слегка подпрыгнул.

– Кстати, как твоя голова? Прошла?

Арон облокотился на спинку кровати и дотронулся тыльной стороной ладони до моего лба.

– Да нет у меня температуры, – просипел я и убрал руку друга со своего лица. Мне немного нездоровилось, но в остальном я чувствовал себя превосходно. – Просто никак не могу отойти от перелета.

– Это странно. Прошло больше суток, ты должен был уже отдохнуть и восстановиться.

– Знаю. Кажется, я бракованный, придется снимать с производства, – попытался пошутить я. Арон в это время рассматривал мою комнату – деревянный комод, огромное зеркало и гигантскую картину, которая висела прямо напротив «королевского» ложе. Неразобранные чемодан и сумка валялись в углу недалеко от комода.

– У тебя очень мило. Моя комната больше, но в этой уютнее. Нет ничего лишнего, – заключил Арон и встал с кровати. Подойдя к окну, он продолжил: – А вот вид из окна у тебя явно круче!

– С чего это?

– У тебя окна выходят в парк, а я глазею на лесную чащу. Моя комната находится в южном крыле. Очень красивое, но пугающее зрелище!

– Большое спасибо за Ваше гостеприимство, – я поклонился Рональду Феррарсу, приветствуя его за ужином.

Мы сидели в малой столовой – Рональд в центре, и мы с Ароном по бокам. Я снова чувствовал себя неудобно. Что-то, а людей за большим столом явно не хватало. Пока три прислуги приносили нам горячее, мне так и хотелось попросить их присоединиться к нам.

Когда я увидел Рональда в первый раз, он произвел на меня положительное впечатление – деловитый, сдержанный мужчина пятидесяти лет был добрым и приятным собеседником. Уж не знаю, где Арон нашел на его лице усталость, но, когда Рональд сидел с нами, его голубые глаза блестели как у молодого юноши. Только легкая седина у висков и на макушке выдавали зрелый возраст мужчины. И то, вместе с русыми волосами, седые пряди выглядели очень эффектно. Рональд явно ухаживал за своим внешним видом. В нем я увидел классического англичанина – приветливого, ухоженного и гостеприимного. О том, что он не сразу познакомился со мной, я даже забыл.

Помимо родного, Рональд знал пять языков – итальянский, французский, корейский, японский и китайский. Между нами не возникло недопонимания – мы говорили на корейском, без проблем понимая друг друга.

– Последний раз я был в Корее пятнадцать лет назад, – отрезая кусок индейки, вспоминал Рональд. – После этого мне так и не удалось посетить Сеул, хотя очень хотелось навестить тебя и твою маму, Арон.

Мужчина ласково посмотрел на моего друга и вздохнул. Кажется, в этот момент перед его глазами стали всплывать картинки прошлого.

– А Вы, ДжонгХен, впервые в этих краях? – учтиво спросил Феррарс, вернувшись из прошлого в настоящее время.

– Да, я еще никогда не выезжал за границу. Это моя первая поездка.

– О, это замечательно! – восхитился мужчина и запил индейку красным вином. – Значит, эту поездку запомните навсегда. По своему опыту сужу. Первое путешествие отпечаталось у меня не только в сердце, но и на сетчатке глаз. Не понимаю, как так вышло, но я помню из первой поездки абсолютно все: и красный закат солнца, и лица своих новых друзей. Я ездил в Китай по учебе. Изучал местное скотоводство. Даже помню, как ко мне в студенческую комнатушку залетела жирная муха и начала наяривать круги. Было около двух часов ночи! Нет, ну вы только представьте – гигантская муха в маленькой комнатке!

Рональд засмеялся, и мы вместе с ним. Но если его смех был искренним, мы хохотали лишь для приличия.

– Остальные учебные и рабочие поездки я не помню. Только первую. Потому что первое путешествие помнишь вопреки всему. Даже если у меня обнаружат болезнь Альцгеймера или я вдруг лишусь рассудка, те впечатления навсегда останутся со мной.

Мы еще какое-то время говорили друг с другом. За час беседы я понял, почему Арон без стеснения жил у Рональда столько лет – мужчина очень сильно располагал к себе, всем своим видом показывая, что гости в его доме – это его семья. Общаясь с ним, я чувствовал себя раскованно и говорил все, что думал. Рональд напоминал мне теплый тулуп, в который хотелось укутаться в зимнюю стужу. В нем было что-то необычное, и это невероятно притягивало. Морщинки у глаз, легкая седина, улыбка, похожая на апельсиновую дольку «от уха до уха», отпечаток пережитых страданий и грозных дум на гладковыбритом лице – Рональд показался мне добродушным человеком, которого зря наказала жизнь таким нерадивым сыном. Он никак этого не заслуживал. Еще утром я считал его заносчивым богатеем, а уже вечером готов был пожать руку и сказать: «Вы крутой».

– А какие романы английских писателей тебе больше всего нравятся, ДжонгХен? – спросил мистер Феррарс, когда мы уже заканчивали ужинать – Мэри принесла горячий черный чай и молочное печенье собственного приготовления.

– Я только недавно закончил читать Чарльза Диккенса⁷.

– Случайно не «Большие надежды»?

– Да, его. Роман показался мне странным, главный герой вел себя очень неразумно – стал дураком из-за влюбленности в девушку. Я считаю, что нельзя так любить. Это невозможно.

Рональд сделал глоток чая и пристально посмотрел на меня:

– Ты правда так думаешь?

– Да. Но все равно книга достойная. Даже в романе Карлоса Руиса Сафона⁸ «Игра ангела» ее упоминают. Автор пишет, что роман «Большие надежды» – это настоящий и преданный друг любого читателя. Стоит начать читать и уже не сможешь оторваться.

– Согласен, – мистер Феррарс лукаво улыбнулся. – Я познакомился с творчеством Диккенса, когда мне было семнадцать лет. И теперь, перечитывая его произведения, мне кажется, что я снова превращаюсь в молодого парнишку, у которого в голове гуляет ветер, а сердце переполнено призрачными мечтами и великими планами на взрослую жизнь. Юность – прекрасный момент в жизни любого человека. И нужно быть благодарным за то, что она у нас есть. Молодостью не обделен никто. Это не деньги, которые имеются не у всех.

⁷ Чарльз Диккенс (1812—1850 гг.) – английский писатель, романист и очеркист. Классик мировой литературы, один из крупнейших прозаиков XIX века. Творчество Диккенса относят к вершинам реализма, но в его романах отразились и сентиментальное, и сказочное начало. Роман «Большие надежды» впервые был издан в 1860 году и стал одним из самых популярных произведений писателя.

⁸ Карлос Руис Сафон (род. 1964 г.) – самый издаваемый из современных испанских авторов. Его литературная карьера началась в 1993 году вместе с публикацией серии мистических книг для подростков.

Переглянувшись с Ароном, мы оба кивнули, разделяя мысли хозяина замка.

– А про любовь... она всегда приходит без стука и дуриет голову лучше, чем проворный иллюзионист. Поэтому любить до безумия не только можно, но и полезно для здоровья. Говорят, приходишь в форму, – Рональд похлопал себя по небольшому животу и засмеялся.

Я улыбнулся, но ничего не ответил. Мне сложно давались разговоры на тему любви, ведь я еще никогда и ни к кому не испытывал сильных чувств.

– Большое спасибо Мэри за этот прекрасный ужин, – вытирая салфеткой уголки рта, сказал Рональд. – А вам, молодые люди, спасибо за компанию. Я уже давно не ужинал за такими интересными разговорами.

Мистер Феррарс вышел из-за стола, задвинул за собой стул и направился к выходу из столовой. Но вдруг развернулся у проема и посмотрел на меня:

– ДжонгХен, надеюсь, тебе у нас понравится, – от его доброй и искренней улыбки мне стало очень тепло, я бы даже сказал – жарко. Ранее я еще никогда не встречал людей с таким характером. Я очень проникся к этому мужчине. Его хотелось обнять как родного отца, которого у меня, увы, не было.

Мы с Ароном поклонились и проводили взглядом удаляющегося Рональда. Он пошел к себе в кабинет, чтобы продолжить разбираться с навалившимися на его плечи делами.

– Ну как тебе Рональд? – поинтересовался Арон, когда мы поднимались по мраморной лестнице.

– Очень интересный и добрый человек, – не покривив душой, ответил я. – Не думал, что такие еще существуют.

– Да, он такой – добрый и очень отзывчивый, – улыбнулся Арон. – Вот ведь странность – самые добрые и хорошие люди страдают больше всех. Вот почему так, а?

Я пожал плечами, находя в вопросе Арона новую пищу для размышлений. Он был как всегда прав – хорошие люди подвергнуты тяготам жизни намного больше тех, кто живет, огрызаясь на каждого прохожего как цепная собака; намного больше тех, кто обманывает других ради собственной выгоды.

– Кстати, я был приятно удивлен, что Рональд знает корейский.

– Думал, наверное, что мне придется весь ужин работать переводчиком? – хохотнул Арон. – Признайся, переживал из-за языкового барьера?

– Честно? – я улыбнулся. – Да.

– Все куда проще, чем кажется на первый взгляд. И это касается всего. Мы слишком много думаем о ерунде и зря только тратим на это свои нервы. Иногда нужно просто выдохнуть и спокойно ждать наступления того или иного момента. В твоём случае – ужина. Не стоит переживать раньше времени из-за того, что еще даже не наступило. Будь как будет.

– Ты прав, – я задумался, вспоминая о своих терзаниях перед началом ужина. А ведь ни один из моих страхов не осуществился. Нужно, и правда, меньше переживать из-за всякой ерунды. Даже если бы мистер Феррарс не знал корейского, мы бы нашли общий язык.

Глава №7

После ужина мы с Ароном пошли в мою комнату, чтобы немного передохнуть – у меня снова разболелась голова, поэтому я решил прилечь и на пару часов покинуть реальный мир. Я никак не мог перестроиться на другое время. В Англии пробило только начало седьмого, а в Корее уже наступал рассвет, поэтому мой эмоционально и физически истощенный организм настаивал, чтобы я сию же секунду лег спать. Не в силах сопротивляться его желанию, я отрубился, чувствуя сквозь дремоту, что Арон сел на кровать рядом со мной. Он держал в руке книгу по истории Англии – видимо, уже начал готовиться ко второму курсу.

Я даже не заметил, как заснул. Меня мгновенно сморил крепкий сон, больше похожий на темную дыру без единого намека на красочные сновидения.

Часы показывали начало двенадцатого, когда я подал первые признаки жизни и сонно разлепил тяжелые веки. В комнате я был один. Арона рядом не оказалось. Его книги – тоже.

На Англию опустилась ночь, поэтому комнату наполняла густая, беспросветная темнота. Потянувшись, я сел в кровати и попытался понять, где нахожусь. После сна мысли спутались и все казалось каким-то ненастоящим. В какой-то момент я даже поймал себя на мысли, что считаю поездку в Англию типичным сном про путешествия и прекрасную жизнь. Как правило, после таких «галлюцинаций» всегда становится тоскливо до тошноты. Но в тот раз этого неприятного чувства мне удалось избежать. Буквально через минуты три после пробуждения я понял – что к чему, и спокойно выдохнул. Замок мне не приснился.

Я нашел Арона в каминном зале на первом этаже. Мой друг сидел в кресле и остекленевшим взглядом смотрел на тлеющие бревна. Как мне показалось издали, цельных поленьев уже не осталось – камин явно разожгли несколько часов назад.

– Арон? – окликнул я. В ответ – тишина.

С каждой пройденной секундой на комнату опускалась темнота. Огня в камне почти не осталось, поэтому освещали зал только настенные лампы – они отбрасывали на пол темные тени, которые напомнили мне маленьких чертиков.

Комнату окутывала вязкая атмосфера одиночества и страха. А еще тишина. Было тихо как на заброшенном кладбище – отсутствовали все посторонние звуки. Для многолюдного помещения это было как минимум странно. Ну не могли все слуги разом лечь спать!

В этот момент у меня внутри все перевернулось. Чувство надвигающейся беды залезло в мою душу и начало елозить в ней, как земляной червяк. Почти не дыша, я начал подходить к Арону. Раз шаг, два... С каждым новым движением мои ноги наливались свинцом, я еле передвигал конечностями, чувствуя – еще чуть-чуть и я упаду. Мои колени подкашивались, словно кто-то специально бил меня по ногам, чтобы я больше не двигался и не предпринимал попыток к действию. Я посмотрел на часы, которые висели рядом с трубой камина, и с ужасом отметил, что минутная стрелка не двигается. Еще несколько часов назад циферблат показывал точное время, а сейчас – ни вперед, ни назад. Часовой механизм замер, словно его напугали. Или заморозили.

– Арон, – сипло произнес я, сбоку подходя к другу. Эхо моего голоса резво побежало по коридору, отталкиваясь от стен, и исчезая в стороне малой кухни. Я слегка поежился – мне показалось, по стене за звуком моего голоса проползла чья-то тень.

– Кто здесь? – не своим голосом спросил Ли и резко повернулся ко мне в пол-оборота. Его глаза перестали быть стеклянными. Они расширились от испуга, демонстрируя мне самые сильные эмоции. Слава Богу. Страх уж точно лучше, чем полное онемение человеческих чувств. – А, это ты, ДжонгХен.

Сказав это, Арон спокойно вздохнул и развалился в кресле, хотя до этого сидел ровно как не тронутое ветром пламя свечи.

Время снова вступило в силу – часы заработали и продолжили отсчитывать растворяющееся в небытие время. Я пару раз моргнул. Нет, этого не может быть. Еще несколько секунд назад я четко видел застывшую минутную стрелку.

Я снова моргнул. Часы все-таки тикали.

«Ладно, кажется, кто-то слишком много спит», – пронеслось в голове.

– Ты чего тут один сидишь? – я устроился в соседнем кресле и посмотрел на друга. Нас с Ароном разделял только небольшой кофейный столик, на котором аккуратно лежала вечерняя пресса и небольшая вазочка с полевыми цветами.

Арон пожал плечами и вновь пропал в глубинах своего сознания. Он смотрел на пепел в камине и молчал. Я последовал его примеру.

На нас вновь свалилась тишина. Только в этот раз она не давила. Скорее наоборот – в ее присутствии мне стало спокойно. Тревога покинула мое нутро – червяк вылез из души.

Я ничего не понимал. Что произошло несколько минут назад? Почему мне было так неуютно и... страшно?

– Я люблю приходить сюда вечером, когда вся прислуга ложится спать. Мне нравится разжигать огонь и смотреть на него, пока он окончательно не потухнет, – прошло около десяти минут, прежде чем Арон заговорил. Обращаясь ко мне, он смотрел на играющее угольки – они то потухали, то вновь начинали светить. – Это очень успокаивает, да и о многом можно подумать, сидя вот так, один на один со своими мыслями.

– Не боишься? – переводя взгляд с угольков на Арона, спросил я. Мой голос зазвучал грубо. Я кашлянул в кулак, пытаюсь придать ему привычный тембр.

– Своих мыслей?

– Да.

– Нет. – Арон усмехнулся, завороченно наблюдая за угольками. – Раньше боялся, теперь не вижу в этом смысла. Если страшиться своих мыслей, то станешь их вечным пленником. А нет ничего хуже, чем сидеть на привязи у собственных нелепых и почти всегда болезненных рассуждений.

– А я вот до сих пор боюсь думать в одиночестве. В голову сразу лезет непонятно что – даже жутко становится. Обычно мои мысли касаются будущей жизни, профессионального призвания, любви. Но я всегда прихожу к одному и тому же выводу. Мое будущее туманное. Вот сижу я, смотрю в чашку с черным чаем, в которую прилично так добавили молока, и пытаюсь увидеть на ее дне заварку. Но ничего не видно. Лишь белесое полотно. И заварка в этом случае – моя будущая жизнь.

Почти все угольки в камине погасли – комната погрузилась в кромешную темноту. Я различал только силуэт своего друга. Выражение его лица стало загадкой.

– Кстати, как поспал? – спросил Арон, вставая с кресла.

– Отлично, только вот теперь не знаю, что буду делать всю ночь – спать-то больше не хочется.

– Ох уж эти часовые пояса, – вздохнул Ли, устало зевая. – И кто их только придумал? Если хочешь, я могу проводить тебя в библиотеку Феррарсов – считаешь что-нибудь и захочешь спать. У них есть собрания сочинений разных писателей прошлых столетий. Это такая муть! Как-то раз посидел с ней пять минут, и все, как снотворного выпил. Советую. Тебе в любом случае нужно менять свой режим дня, не будешь ведь ты спать целыми днями. Мы так и не пообщаемся нормально.

– Ты прав, – я поднялся с кресла и поправил на себе черную футболку, которая слегка помялась во время вечернего сна. – Почитать что-нибудь – это отличная идея. Только есть проблема – книги-то не на корейском.

– Не переживай, в этом замке есть все. Ты забыл? Рональд изучал несколько языков, и пара учебников или книг у него явно осталась, – Арон пошел по коридору к парадному холлу и лестнице, я – следом за ним. – В крайнем случае, тебе придется изучать английский язык.

Арон хохотнул. Мы вышли в холл и яркий свет ослепил нам глаза.

Семейная библиотека Феррарсов находилась в северном крыле третьего этажа и занимала собой огромную площадь. По подсчетам Арона, это было сразу несколько комнат и парадных залов вместе взятых.

Отворив высокие двухстворчатые двери, Арон пропустил меня в святую святых – семейную библиотеку – и включил свет, глухо щелкнув выключателем. Огромные люстры одна за другой стали освещать комнату, а я затаил дыхание, глядя на все это зрелище как завороченный. Когда включилась последняя люстра, я с восхищением отметил, что даже не вижу ее. Пять книжных рядов уходили далеко вдаль и невозможно было с уверенностью сказать – я вижу край стеллажа или всего лишь его середину.

Это было самое невероятное помещение, которое я когда-либо видел.

– Вот это да! – поразился я и с опаской сделал шаг в сторону книжных полок. – Арон, да это же целый книжный магазин.

– Ошибаешься, – Ли сложил руки на груди и ухмыльнулся, – в книжных магазинах нет столько творений. Тут их миллионы.

– Миллионы... – вслед за другом мечтательно протянул я.

Арон вздохнул и подобно мне начал осматривать библиотеку, будто бы видел ее впервые. Я же тем временем подошел к краю книжного ряда, который находился посередине, и начал вчитываться в имена авторов, чьи романы и научные работы покоились на старинных полках замка Беркшир. Артур Шопенгауэр, Франц Кафка, Лев Толстой, Федор Достоевский, Уильям Шекспир, Чарльз Диккенс. Не обошлось также и без Джейн Остен. Я вчитывался во многие имена, не зная их; я изучал даты написания романов, поражаясь их вековой выдержке. Тут были писатели не только золотого и серебряного века, но и те, кто творил задолго до них. Аристотель, Сократ, Платон. Я попал в сокровищницу!

– Арон... Откуда?

– Кто его знает, – пожал плечами мой друг. – Я сам поражаюсь, откуда появилось столько книг. Их тут немереное количество. За десять жизней все не прочесть.

– Именно! Даже если читать сутками напролет.

– Вот и читай, сколько влезет. Пока мозги не лопнут!

– Ты в курсе, что это немного жестоко? – улыбнулся я, пытаюсь отыскать литературу на родном языке. Как оказалось чуть позже, ее здесь было даже больше, чем говорил Арон. Я отыскал не только научные труды по философии, но и романы, переведенные на корейский язык.

– Ладно, шучу, – Арон вновь зевнул. – Я уже спать хочу. Ты не против, если я оставлю тебя наедине с книгами? Дорогу обратно найдешь?

– Конечно, найду, – вчитываясь в книжные переплеты, ответил я. – Иди, и не беспокойся обо мне, тут до лестницы два шага, а там я уж точно доберусь до своей комнаты.

– В таком случае, спокойной ночи. – Ли скрипнул дверью и скрылся в темном коридоре третьего этажа.

Я остался один на один с книгами, уже предвкушая бессонную ночь, хотя мой поход сюда подраשמевал нечто иное.

Сколько я провел за чтением книг – неизвестно. Я не взял с собой ни сотовый телефон, ни наручные часы, которые, вообще-то, никогда не снимал и носил всегда при себе. Только

здесь решил избавиться от всего, что меня окольцовывало. Хотелось достигнуть максимальной свободы.

Я сидел за столом в самом сердце хранилища книг. Окна в библиотеке оставались зашторенными, поэтому я не мог определить – сейчас все еще ночь или уже наступает на пятки рассвет. По ощущениям казалось, что я просидел за книгами не меньше пяти часов.

Основной свет в библиотеке я выключил, чтобы он не привлекал внимания, и оставил гореть только настольную лампу, которая отдавала желтым светом. Поначалу он меня раздражал, но уже через пару минут мне стало все равно – я утонул в романе 19 века, который написал неизвестный мне автор.

У меня захватывало дух буквально от всего: от помещения, в котором я сидел; от истории, в которую погружался все больше и больше; от запаха старой бумаги. Мне совсем не хотелось спать, ведь я познал настоящее счастье пока сидел в огромной семейной библиотеке. Она напоминала далекий и призрачный рай.

Я мог просидеть там безвылазно еще несколько часов. Но этого, увы, не случилось. От чтения увлекательной истории меня отвлек какой-то шум. Он доносился то ли снизу, то ли сбоку. Прислушавшись, я так и не понял, что это за звуки, поэтому решил выйти из библиотеки и проверить – все ли в порядке. Мало ли, вдруг что-то произошло пока все спят.

Глава №8

Я вышел из библиотеки, и моих ушей тут же коснулась приятная мелодия. Вот что меня отвлекло!

Мелодия была очень спокойной и нежной. Но даже несмотря на ночную тишину, в которой пребывал замок, аккорды фортепиано казались слишком приглушенными.

Я прикрыл глаза, чтобы яснее представить, откуда льется звук. Пока я стоял возле лестницы и думал, куда мне идти, глухая мелодия заставила сердце болезненно сжаться. Мне снова стало нестерпимо грустно, как прошлой ночью, когда я засыпал в своей комнате. И тут у меня в голове промелькнуло: «Иди, иди скорее».

Я стал спускаться. Все так же: не глядя себе под ноги, не глядя вообще никуда, я шел на звук, который доносился откуда-то снизу. Или сбоку. Я не понимал.

И только когда я спустился до второго этажа, меня осенило. Вчера вечером я над чем-то задумался и неосознанно поднялся на третий этаж вместо того, чтобы остаться на втором. Там я решил прогуляться и зашел в какую-то заброшенную комнату, где из мебели стояли только фортепиано, банкетка⁹, стул и маленький кофейный столик. Инструмент поразил меня своей красотой, изяществом и старостью, которое наложило на него время. Комната, где он стоял, тоже не подходила под описания красивых апартаментов. Все помещения замка были отреставрированы, во многих провели косметический ремонт. И только этот маленький зал с фортепиано оставался старым, обветшалым, с отвалившимися потолками, потрескавшимися стенами, облупившейся оконной рамой и черным, слегка обшарпанным инструментом в самом углу. Только из-за своей не идеальности помещение осталось у меня в памяти.

«Ну конечно! Третий этаж!», – мысленно воскликнул я и с радостью хлопнул себя по лбу. А потом я развернулся к лестнице и побежал на третий этаж, чувствуя, будто меня зовут. «Иди, ДжонгХен, иди! Скорее!». Заброшенная комната притягивала меня к себе как магнит.

Я бежал, перебирая в памяти картинки прошлого дня и ища в них зацепку, чтобы добраться до желаемого помещения как можно быстрее. Я очень плохо ориентировался в старом замке, – тем более на третьем этаже, – поэтому не мог рассчитывать, что сразу найду ту мрачную комнату. Все казалось здесь слишком запутанным. Я чувствовал себя мышью, запертой в лабиринте. Не хватало только профессора, который бы наблюдал за моими успехами в достижении целей.

Прошло не менее пятнадцати минут, прежде чем я понял, из какой комнаты доносился звук.

С каждым шагом прекрасная мелодия становилась громче. Я слышал ее все отчетливее и отчетливее, забывая совершенно обо всем – кто я, что здесь делаю, в какой стране родился. Я понимал и знал только одно – я должен увидеть человека, который играет это печальное произведение, готовое разорвать меня на куски как лесной волк.

Я дошел до нужной комнаты и остановился, чтобы перевести дух и прийти в себя. Музыка по ту сторону двери не смолкала ни на секунду, даруя этому миру что-то донельзя прекрасное, но запретное. Эта была красота, которая убивала.

Прислонившись к дверному косяку, я закрыл глаза, впитывая мелодию словно губка. Она буравила внутри меня огромную дыру; она сжимала мое сердце с неистовой силой, терпеливо ожидая, когда из него потечет кровь, как недавно в моем сне.

Мою душу выворачивало наизнанку не менее сотни раз, а я стоял, все так же опираясь на обветшалый косяк. Я даже не чувствовал, что плачу. Слезы градом скатывались по моим щекам, обжигали кожу и капали на холодный пол старого замка. Мне было плевать на это.

⁹ Банкетка – предмет мебели. Продолговатая лавка с мягким сиденьем и без спинки.

Музыка, как старая ведьма, приворожила меня. Я задыхался, вслушиваясь в эти прекрасные ноты и оплакивая то, о чем ничего не знал. Я просто плакал, прекрасно понимая, как нелепо и смешно выгляжу со стороны.

«Да ты же парень! Парни не могут плакать», – стучала в моей голове мысль, как футбольный мяч об стену. Но я не переставал лить слезы. Я должен был выплакаться. В ином случае, тоска сожрала бы меня до костей.

Мелодия, которую создавали незнакомые мне пальцы рук, убивала. Она делала из меня своего вечного пленника. Именно тогда, июльской ночью, будучи гостем замка Беркшир, я собственноручно вколол себе в сердце яд, даже не подозревая, чем мне это обернется в будущем

Я вытер ладонями лицо, осторожно открыл дверь и переступил порог комнаты, в которой за фортепиано сидела белокурая девушка. Она с нежностью нажимала длинными пальцами рук на клавиши и создавала спокойную, тихую мелодию. Это была уже другая композиция, менее уничтожающая. Да, она также, как и предыдущая, наводила тоску, но с ней мое сердце будто бы выпило успокоительное.

Я стоял возле двери и не мог пошевелиться. Меня окутало спокойствие.

И эта юная девушка... Она была призрачно красива в свете яркой, летней луны. И куда только подевались облака и тучи? Еще прошлой ночью они заволокли небо и не пропускали лунного сияния. Тогда же все было наоборот – вся комната словно светилась. Я даже моргнул пару раз от удивления.

Я не дышал, боясь спугнуть столь завораживающую картину. Душевная боль уже прошла, и я просто наслаждался тем, что слышал, и тем, кого видел. Девушка, которая играла на фортепиано, напоминала хрустальную статуэтку. Пусть я видел ее только в профиль, мне этого хватило, чтобы ощутить внутри легкую негу необузданного счастья. Я готов был снова расплакаться. Передо мной сидело чудо. Это чудо играло мелодию, которой я внимал также, как голосу родной матери.

Но потом я случайно отвлекся от мелодии и мой взгляд зацепился за одежду прекрасной незнакомки. Я остолбенел. Пианистка была одета в платье, в которых ходили девушки в конце 18 века или в современности играли на сценах театра. Украшенное позолоченной вышивкой, с красиво подчеркнутой формой груди и зауженной талией оно напоминало наряд титулованной девушки прошлых веков из какой-нибудь шекспировской пьесы. А еще фижма! Да в наше время такое не носили!

Я с трудом разглядел, что надето на ногах незнакомки, но, кажется, из-под длинного платья виднелись маленькие кожаные туфельки бледно-розового цвета с бантом, сделанным из того же материала, что и сама обувь.

Одежда была времен рококо, если мне не изменяла память. Я видел подобные одеяния в учебниках по европейской истории, когда мы в школе проходили конец восемнадцатого века. Эта девушка из прошлого?

Я пару раз поморгал, думая, что у меня начались галлюцинации. Видение не пропало.

Рассматривая пианистку, я предположил, что она решила перевоплотиться в человека, который жил несколько веков тому назад. Тут либо сыграла атмосфера старинного замка, либо девушка готовилась к пробам или свадьбе в стиле «Маскарад».

Но для невесты она выглядела слишком молодо, получается... Ну, точно! Она – актриса!

Зацепившись за эту мысль, как за спасательный круг, я чуть было не захлопал в ладоши от радости. Ну конечно! Это самое логичное объяснение необычному наряду пианистки. И эти аккуратно уложенные длинные волосы – они только дополняли образ, делая из красавицы самую настоящую юную дочь Герцога или Графа. Девушка всего лишь вживалась в роль, а я уже придумал себе черте что!

– Вы очень красиво играете, – сказал я, когда девушка закончила играть. Мне хотелось похлопать юной пианистке, но я побоялся спугнуть своими хлопками витавшее в комнате спокойствие.

– Спасибо, – поблагодарила меня незнакомка.

Ее голос напоминал звон дорогого хрусталя. Он был очень звонким и четким. По телу побежали мурашки. Смутившись такой реакции, я отвел взгляд в сторону и начал рассматривать обветшалые стены. Атмосфера в комнате была еще та.

– Сыграете что-нибудь еще? – неуверенно спросил и сел на деревянный стул рядом с кофейным столиком. Мебель находилась около входной двери, словно ее поставили здесь специально – чтобы слушать мелодии в комфорте, как и в концертных залах.

– Только если еще одну, – сухо ответила девушка.

Я услышал первые аккорды очередной мелодии и замер. У меня пропало дыхание.

«Это же Моцарт¹⁰ – Лунная соната! Мое любимое произведение! Как она узнала?», – мысленно восхитился я и снова улыбнулся. Со стороны я напоминал собачку, перед которой покрутили косточкой.

Я прикрыл глаза, все больше и больше проникаясь мелодией. Прошло около двух минут, прежде чем я поднял веки и сонно посмотрел на пианистку. Девушке было от силы семнадцать лет, но она так виртуозно играла на фортепиано, словно практиковалась всю свою недолгую жизнь. Поразительно!

Когда девушка играла спокойные мелодии, ее пальцы гладили клавиши, словно они были кошкой. Если мелодия требовала громкости и дополнительной мощи, девушка наклонялась к фортепиано всем корпусом и изо всех сил вдавливала клавиши, будто хотела вытащить из инструмента всю жизнь.

Чувствуя, как проваливаюсь в сон, я стал что-то бормотать. Кажется, я просил сыграть еще. И незнакомка послушно играла спокойные мелодии, хотя до этого согласилась исполнить «еще только одну».

Засыпая крепким сном, я вновь ощутил в душе сильную, удушающую боль. Но уснул я быстро, поэтому толком не понял, что чувствую. Я даже не заметил, как мои пальцы покрылись инеем. Я совсем ничего не замечал. Я напоминал куклу в руках умелого кукловода. Только вот кукловодом была музыка, а не человек.

Когда пианистка убедилась, что ДжонгХен крепко спит, она прекратила играть и устало посмотрела на молодого человека.

Прошло не более секунды, прежде чем он остался в комнате совершенно один. Комнату окутала мрачная тишина, и только сопение ДжонгХена разряжало эту ядовитую атмосферу.

Стало нестерпимо зябко, но кореец, облокотившийся на кофейный столик, тихо сопел и не чувствовал этого.

¹⁰ Вольфганг Амадей Моцарт (1756—1791 гг.) – Австрийский композитор и музыкант-виртуоз. Один из самых популярных классических композиторов, Моцарт оказал большое влияние на мировую музыкальную культуру. По свидетельству современников, Моцарт обладал феноменальным музыкальным слухом, памятью и способностью к импровизации. Самый молодой член Болонской филармонической академии за всю её историю, а также самый молодой кавалер ордена Золотой шпоры.

Глава №9

– ДжонгХен, проснись, – голос Арона вывел меня из красочного сновидения и заставил вернуться в серую реальность. – ДжонгХен!

– Чего? – простонал я и разлепил сонные веки. – Я хочу спать.

– Ты сначала посмотри, где уснул! – возмутился Арон. – Просыпайся же!

Я резко распахнул глаза и стал оглядываться по сторонам. Меня окружали полки с книгами. Я сидел в библиотеке за деревянным квадратным столом. Ничего не понимая, я уставился на Арона. Парень стоял возле меня.

– Но я не тут засыпал, – сказал я и встал со стула, чувствуя, что моя поясница напоминает бетонную стену. Она застыла, как цемент. – Я заснул в комнате, где стоит фортепиано!

– Что? Какое еще фортепиано?

– Черное, – замешкался я, вспоминая его цвет. – Оно стоит в углу, в заброшенной комнате. Тут, на третьем этаже.

С минуту мы глупо смотрели друг другу в глаза. Арон явно не понимал, о чем я говорил.

– ДжонгХен, иди умывайся, а потом завтракать. Мэри уже накрыла на стол, – вздохнул Арон и пошел к двери. Напоследок он бросил: – Прошу не опаздывать, овсянка имеет неприятное свойство – остывать и застывать.

– Да, – на автомате ответил я и снова сел на стул. У меня вдруг подкосились колени.

Когда за Аронем захлопнулась дверь, я начал прокручивать в голове события прошлого вечера, вплоть до похода в библиотеку.

Окинув взглядом стол, я заметил на нем книгу, которую читал этой ночью. Я взял ее в руки, чтобы удостовериться в своей правоте. Да, книга мне не приснилась.

А что потом?

Сердце неприятно заныло, и я вспомнил удушающую мелодию, что поразила меня своим волшебным звучанием. Пережитые эмоции были еще свежи, поэтому мне удалось вспомнить все в мельчайших подробностях – белокурую девушку, черное фортепиано, облупившиеся стены комнаты, обветшалый косяк деревянной двери. Это был не сон! Это не могло мне присниться!

Резко поднявшись со стула, я захотел отыскать заветную комнату. Но когда я вышел в коридор и прикрыл за собой дверь библиотеки, увидел вдали прислугу. Молодая женщина в коричневом платье и чепчике протирала от пыли статуи. Пообещав себе, что найду комнату позже, я отправился в ванну чистить зубы и умываться.

Но на протяжении всего утра в моих ушах наперебой звучали мелодии, которые я слышал ночью.

– ДжонгХен, кого ты все время высматриваешь? – спросил у меня Арон, когда мы шли по коридору к парадной лестнице после сытного завтрака. – Мне кажется, или ты вглядываешься в лицо каждой прислуге?

– А? – я не расслышал вопрос друга – задержал внимание на проходящей мимо девушке. Блондинка смущенно опустила ресницы, когда я жадно впился в нее своим взглядом. В руках она несла пустой поднос. Видимо, относила завтрак Рональду. – Нет, ничего.

– Что, ничего?

– Прости, Арон, – я рассеянно посмотрел на друга. – Я не расслышал, что ты спросил.

– С тобой точно все в порядке? – обеспокоился друг. – Мне не нравится твое поведение. За завтраком ты был дерганый – вертел головой в разные стороны, оборачивался на каждый шорох. И сейчас ведешь себя странно. Тебе кто-то понравился? Ты кого-то ищешь?

– Понравился? – этот вопрос я задал не Арону – скорее себе самому. А потом тут же ответил: – Да... Наверно... Я не знаю.

Около минуты мы шли молча. Я заметил, Арон ступал на пол как тяжеловес. У него больше не было той легкой и воздушной походки, которая еще сутки назад так сильно меня впечатлила.

– Так, замечательно, – взяв меня под локоть, сказал Арон и ускорил шаг. – Тебе срочно нужно проветриться. Сегодня потрясающая погода – мы берем плавки и идем купаться на речку! До нее идти буквально десять минут, нужно только обойти замок.

– Но...

– Я не принимаю отказов! – Арон вдруг повеселел. Когда мы дошли до парадной лестницы он стал подниматься, перепрыгивая через ступеньку.

Буквально через секунду Ли оказался на втором этаже. Я же еще стоял на первом, не понимая, что случилось с моим другом. Его настроение менялась как погода в Англии: быстро и не понятно по каким причинам.

Я сдался и последовал за Ароном. Купаться так купаться.

Мы плавали в Темзе до посинения. Погода разгулялась, светило яркое, летнее солнце. Оно согревало нас и нежно ласкало кожу. Возвращаться в каменный замок совсем не хотелось, поэтому мы с Ароном сначала плавали, потом отдыхали, грелись на травке, а потом снова плавали. И так по кругу несколько раз.

С самого раннего детства я очень любил купаться в речках и озерах. Поначалу это приносило мне радость от времяпровождения возле воды – можно было строить замки из песка, закапывать себя и развлекаться с другими ребятами. Но когда я стал подростком, купание в воде приобрело для меня совсем другой, более глубокий смысл. Погружаясь в воду и чувствуя ее колкий холод на каждом миллиметре своего тела, я ощущал всю прелесть жизни. Ведь нет ничего более вдохновляющего, чем плавать одному в абсолютной тишине ранним утром или поздним вечером. Один на один с природой. Вокруг только деревья, птицы и ты, медленно плывущий куда-то вдаль.

Я даже море любил не так сильно, как реки. Это странно? Не думаю. Когда живешь с морем в трех часах езды, оно больше не кажется изыском богатой жизни. Скорее наоборот – оно приобретает ярлык чего-то до боли привычного.

Мы плавали с Ароном до полдника и не следили за временем. Благодаря этой беззаботности, я забыл обо всем, что тревожило меня утром – ни о тоскливой музыке, ни о девушке, играющей ее, я не вспоминал. Речная вода смыла с меня все терзания и беспокойства, все мрачные мысли и переживания. Я отдыхал, наслаждаясь таким приятным обществом. Арон – чудесный друг. На какое-то время он помог мне «вылечиться» от моего ночного недуга.

Только вот мы не учли одного – моя прогрессирующая «болезнь» не исчезла, она лишь отступила пока мы купались. Как только я переступил порог старинного замка, все вернулось на круги своя. Распроставшись с Ароном около лестницы, я дал себе клятву, что ночью пойду искать мрачную и заброшенную комнату. Я был уверен – девушка тоже там будет. И тогда все повторится.

Я выполнил обещание. Как только все легли спать, я вышел из своей комнаты и включил на телефоне фонарик. Я надеялся, что с его помощью найду заброшенную комнату.

Часы, которые я все-таки надел на запястье, показывали восемь минут второго. И в замке не спал один лишь я.

Глава №10

Я поднялся на третий этаж и посмотрел в окно, за которым как простыня расстелился лес. Ночь выдалась беспокойной – на улице гудел сильный ветер и начинал накрапывать дождь. Еще за ужином Мэри сообщила нам, что на Беркшир надвигается небольшой ураган.

– Говорят, ничего страшного. Но на улице после девяти вечера лучше не выходить, – вздохнула экономка, наливая нам горячий чай.

То, что творилось за окном, сложно подходило под описание урагана. Но мне стало жутко, когда я увидел, как толстые стволы деревьев раскачиваются с невероятной амплитудой. Мне даже показалось, что я слышу их смачный треск.

«Как-будто кости кому-то ломают», – подумал я и поежился.

Потом я повернул налево, в сторону, где находилась заветная комната. Но оказавшись в витиеватом коридоре, я понял, что не знаю, куда мне идти, в какую дверь стучаться.

Как ни старался, я не мог вспомнить куда заходил прошлой ночью, когда шел на зов музыки. Оказалось, мелодия выступала в роли моего проводника. В полусне я даже не запомнил, куда заходил. Все двери были одинаковым как на подбор.

«Кажется, у той двери была серебряная ручка, – вспомнил я. – Именно это отличало ее от остальных».

Освещая фонариком каждую закрытую дверь, я не видел ту, которую искал. Никаких серебряных ручек – все золотисто-коричневые, под тон дверей. Заброшенной комнаты в этом коридоре будто не существовало. Я блуждал по кругу, открывал одну дверь за другой и наталкивался не на то, что хотел найти.

Я убил на хождение по этажу около часа. Ничего не нашел, вернулся в свою комнату и лег на кровать. Ветер за окном все завывал, но мелкий дождь закончился. На Бекршир опустился густой туман.

Сна не было ни в одном глазу. Я лежал, смотрел на темный потолок и думал о незнакомке, чья игра на фортепиано довела меня до слез. Что эта была за девушка? Почему она так странно оделась? Еще прошлой ночью я не придал ее облику большого значения, но потом, когда стало происходить столько нелогичных вещей, я усомнился. Усомнился в своей адекватности. А не приснилось ли мне все это?

Но я точно знал – я плакал. Плакал как ненормальный. Уж это я не выдумал, ведь до сих помнил холодные руки мелодии, которыми она душила меня. И что самое странное, я хотел вновь испытать это чувство; я желал, чтобы мне снова сдавили горло.

«Это не могло быть сном. Нет, только не это», – в безумии думал я, глядя в потолок.

Я уснул ближе к четырем часам, так и не ответив на вопрос: «Все, что со мной случилось – сон или явь?».

– ДжонгХен, ты не будешь против, если оставлю тебя сегодня? – спросил у меня Арон за завтраком. – Мне нужно съездить в город, а я пока не хочу таскать тебя по Лондону. Или ты хочешь со мной?

– Надолго?

– На пару часов, – пожал плечами Ли. – Если честно, то не могу сказать точно. Это по поручению Рональда – нужно отвезти кое-какие бумаги для налоговой и решить несколько вопросов.

– Давай без меня, – я улыбнулся, намазывая масло на тост. – Я, пожалуй, отдохну тут. Мы ведь на днях все равно поедem в Лондон гулять. Сейчас лучше спокойно разберись со своими делами. Не хочу мотаться за тобой хвостом.

– Хорошо, – Арон поднялся из-за стола и вытер рот салфеткой. – Тогда я побежал собираться.

Арон уехал буквально через пятнадцать минут. Я попрощался с ним возле железных ворот и, когда он уехал, еще пару минут наблюдал за удаляющимся такси.

Когда черная машина наконец исчезла из вида, я побрел в сторону замка, вдыхая носом влажный воздух и чувствуя его липкую сырость. Он казался слишком тяжелым в тот день.

Я вернулся в замок, поднялся на третий этаж и остановился, глядя на уходящий вдаль длинный коридор. Он манил меня, притягивал к себе. В голове вновь зазвучала знакомая мелодия. Я прикрыл глаза и тяжело вздохнул, не понимая, что же мне делать. Я не мог спуститься в свою комнату, но точно также не чувствовал силы, чтобы пойти на зов пустого коридора, который одновременно и притягивал к себе, и отгонял. Я стоял словно на развилке двух дорог, понимая, что мой выбор будет значить очень многое. Если вернусь к себе – моя жизнь останется прежней. Если пойду искать фортепиано и девушку – мой мир перевернется с ног на голову.

В тот момент я еще не знал этого, но предчувствие чего-то необратимого не покидало меня. И только сейчас могу с уверенностью сказать – моя жизнь делилась на «До» и «После» именно в тот момент, когда я стоял в нерешительности, глядя то на коридор, то на лестницу, ведущую вниз.

Я сделал выбор и пошел по коридору. Глухие шаги отпрыгивали от стен, ведя меня туда, где мне быть не положено. Я шел, не вспоминая прошедшую ночь – знал, что она мне ничем не поможет. Я не вспоминал и день, когда случайно ошибся этажом и комнатой. Лишь мелодия, которую я пытался воспроизвести в памяти, была моим маяком. Я тянулся к ней как рыба к воде, разворачивался к ней лицом как увядающий в темноте цветок поворачивается к восходу солнца. Я все шел и шел, заходя сначала в одну дверь, потом в другую. Но все равно не мог понять, как нашел комнату в первый раз. Это была какая-то мистика. Я никогда не верил в нее, но объяснить происходящее иначе не мог. Удача? Я не уверен. Мне не могло повезти в первый раз. Во второй – возможно. В третий – наверняка. Но не в первый. Нет. Никогда.

Кажется, я нашел комнату через десять минут скитаний по коридору. Я шел прямо, пока не наткнулся на дверь с серебряной ручкой. Но в этот момент я не почувствовал никакого счастья от находки. Я принял это как должное и тут же распахнул дверь в старую комнату.

Помещение встретило меня могильной тишиной. Я зашел внутрь и снова начал оглядываться по сторонам. Только теперь я делал это осознанно, а не наспех, как раньше. Я фотографировал глазами каждый уголок. Я запоминал его малейшие детали, чтобы при желании воспроизвести в своей голове. И тут мне стало плохо: перед глазами все поплыло от нехватки кислорода. Я начал задыхаться в комнате, в которой настежь были открыты все окна.

– Да что это за место? – пробормотал я, держась правой рукой за область грудной клетки. – Что за проклятая комната?

Когда я посмотрел на фортепиано, которое стояло в углу, и вовсе обессилел. Его энергетика выбила меня из колеи, и я резко сел на знакомый стул.

Я начал рассматривать музыкальный инструмент, но не понимал, почему он вызывает у меня такие горькие эмоции – мне снова захотелось рыдать. Даже без пианистки и ее игры, я почувствовал невыносимую боль. Она разъедала мои внутренности подобно яду. Сидя на стуле недалеко от инструмента, я снова почувствовал жуткий холод, который ненавидел всей душой. Аллергия, на него у меня была аллергия.

Глава №11

Когда я сидел на стуле и как загипнотизированный смотрел на фортепиано, за моей спиной послышался сдавленный кашель. Я испугался и резко развернулся в сторону двери. Я и так чувствовал себя плохо – головокружение никак не проходило, – так еще меня окутали ледяные цепи страха. Оборачиваясь, я думал, что увижу нечто, что непременно напугает меня своим видом. Но передо мной стоял всего лишь Рональд. Он закашлялся, заходя в комнату.

– ДжонгХен, прости, я тебя напугал? – спросил мужчина и засунул в карман своих черных брюк белоснежный платок, в который, видимо, кашлял.

– Немного, – вздохнул я и сглотнул. Сердце барабанило от страха как ненормальное. – Вы зашли очень неожиданно.

– Еще раз прости. Кашель – теперь мой вечный друг. Пять лет назад болел пневмонией, остались осложнения, – печально улыбнулся Рональд.

Не обращая на меня никакого внимания, Феррарс подошел к центральному окну и выглянул наружу. Все окна в этой комнате выходили на парк, и пока Рональд рассматривал его, я все также сидел на стуле за кофейным столиком. Головокружение не проходило. Даже наоборот – оно усилилось после испуга. Даже из уважения к хозяину замка я не мог подняться на ноги.

– Можно спросить, как ты тут очутился? – из интереса спросил Рональд, не разворачиваясь ко мне лицом. – Без Арона.

– Решил пройтись по замку, – ответил я и все-таки приподнялся со стула. – Захотелось развеяться.

– Понятно, – я не видел, но почувствовал, что Рональд улыбнулся. Мягко, добродушно. Одним словом, так, как мог только он.

А потом Феррарс посмотрел на открытые окна, а следом на меня. Я стоял, слегка покачиваясь из стороны в сторону.

– И ты захотел прогуляться только до этой комнаты?

Я молчал, не зная, что ответить.

– Если честно, – тихо заговорил я, – то вы правы. Я захотел пройтись только до этой комнаты.

Рональд громко вздохнул и засунул руки в карманы брюк.

– Ты видел сон, в котором девушка играла на фортепиано? – в лоб спросил Рональд, направляясь ко мне. – Тут, в этой комнате?

Вопрос мистера Феррарса ударил под дых. Я даже раскрыл глаза от удивления.

«Сон? Всего лишь сон?! И откуда он, черт возьми, знает, что мне могло присниться?», – мысленно завопил я.

Я открыл рот, чтобы ответить, но забыл, что хочу сказать. В голове все перемешалось – все события пережитых дней и сна, который я принял за реальность. Моя душа опустела. Теперь в ней не осталось ни радости, ни других томных чувств. Все эмоции разом исчезли, когда я понял, что все это время обманывал сам себя. Я стоял в обычной старой комнате с фортепиано. Здесь уже давно никто не играл, и девушки, что так понравилась мне, даже не существовало. Мираж. Она была таким же миражом, как и ее мелодии.

Я так сильно расстроился, что даже не подумал: «А откуда Рональд может знать, что мне снилось?». Это ведь было странно, что незнакомый мужчина имел доступ к моему подсознанию.

– ДжонгХен, я не думаю, что ты поведешься на эту удочку, – сказал Рональд слегка грубовато. Я смотрел на него все так же – широко распахнув глаза как семилетний ребенок, которому говорят, что ни Санта Клауса, ни Зубной феи, ни Пасхального кролика – не существует. –

Это всего лишь сон. Тебе просто запомнилась эта комната, и твое подсознание воспроизвело ее во сне с кое-какими дополнениями.

– С кое-какими дополнениями? – поразился я, не веря словам мистера Феррарса. – ПИАНИСТКА – это дополнение? То есть вы хотите сказать, что и она – плод моего воображения? У вас нет ни одной служанки с таким... с таким лицом?

– Боюсь, что да, – задумчиво произнес мужчина. – ДжонгХен, думаю, не мне тебе говорить, что порой наши сны бывают даже более реальны, чем настоящая жизнь. Они – это наркотик, который проникает в мозг, когда мы спим, чтобы отравить нашу здоровую сущность. Именно поэтому, просыпаясь, нам часто кажется, что сны – это реальность, а реальность – это всего лишь наш сон. Не ведись на эту иллюзию. Не обманывай сам себя.

Вслушиваясь в слова Рональда, я не мог поверить, что все это время был на коротком поводке у своего подсознания. Оно решило сыграть со мной злую и совсем не смешную шутку, а я даже не понял этого, принимая все увиденное во сне – за реальность. Но музыка не могла мне присниться. Я был уверен в этом на все сто процентов. В ином же случае – я сделал для себя вывод – я начинаю сходиться с ума.

– Спасибо, что раскрыли мне глаза, – через какое-то время тяжелого молчания, ответил я Рональду, не находя других слов. Я не верил его словам, но посчитал нужным об этом молчать. – Во всем виновата смена обстановки и пережитые эмоции. Я не думал, что все это подействует на меня так сильно.

– Я рад, что мы поняли друг друга, ДжонгХен, – мистер Феррарс попытался улыбнуться так же успокаивающе, как и обычно, но в этот раз у него это совсем не вышло. Его улыбка показалась мне неестественной и тоскливой.

– Еще раз спасибо.

– Все в порядке, не благодари, – Рональд направился к выходу из комнаты. – Ты еще посидишь здесь? Или пойдешь со мной?

– Пожалуй, я пойду с вами.

– Вот и отлично.

Мне не могло показаться – мой ответ очень сильно обрадовал мистера Феррарса. Витающая в комнате тяжелая атмосфера тут же стала на крупицу легче. Но если, выходя из комнаты, Рональд стал дышать полной грудью, я снова начал задыхаться, хотя еще пару минут назад почувствовал себя лучше.

В тот день я так и не дождался Арона и лег спать очень рано, почти в десять часов. Разговор с мистером Феррарсом утомил меня и расстроил. До этого я еще никогда не чувствовал себя настолько опустошенным и потерянным. Новость о том, что все увиденное мной оказалось всего лишь сном – убила меня холодным кинжалом.

Мысленно я возвращался в комнату с фортепиано не меньше сотни раз, не веря, что белокурая девушка – плод моего воображения, а ее игра – слуховая галлюцинация.

«Нет, это не могло быть сном. Да и Рональд повел себя очень странно, когда начал убеждать меня в обратном, – размышлял я в полудреме. – Может быть он хотел сделать как лучше, но у него ничего не вышло – я не верю ему».

Я уснул, думая о странной девушке, которая запала мне в сердце также, как и ее мелодии. Если не больше них.

Глава №12

Я проснулся посреди ночи от громкой музыки. Она звучала настойчиво, словно призывая меня подняться с кровати и следовать за ней как за провожатым.

Перевернувшись с одного бока на другой, я стал доказывать себе, что все еще сплю. Как бы я не хотел, но разговор Рональда отложился где-то у меня в подсознании и, когда заиграла музыка, сработал рефлекс: раз я слышу какие-то звуки, значит – сплю.

Щекой я чувствовал жар подушки, а руками ощущал мягкость простыни и одеяла. Я внушал себе, что музыка пришла ко мне во сне, хотя явно не верил этому. Ощущения, чувства, ясное сознание, которое только пару секунд назад вернулось ко мне, когда я пробудился от звука старинного фортепиано, буквально кричали о том, что «ну не спишь ты, ДжонгХен, не спишь!». Музыка не могла быть ни галлюцинацией, ни сном. Она звучала с верхнего этажа, проникала сначала в мою комнату, а потом и в душу, сотрясая в ней все как при землетрясении.

Громко вздохнув, я перевернулся на спину и резко открыл глаза. Белый потолок освещала луна. «Как странно, – подумал я, – тучи вновь испарились и дали возможность лунному свету проникнуть в замок».

Вечером я оставил окно открытым, поэтому в комнате гулял спокойный, летний ветерок – он трепал прозрачный тюль и создавал с его помощью на белоснежном потолке незамысловатые тени. Я смотрел на них как замороженный: не моргал, не шевелился, не дышал и только внимал голос громкой музыки.

В этот же момент мне показалось, что я начинаю сходить с ума, окончательно смешивая в своем сознании реальность и сон. Я много читал о психиатрии, разбирал научно-популярные книги клинических врачей, поэтому остро ощутил подкатывающую к горлу панику. Из-за полученных знаний я всерьез испугался, что у меня начались первые признаки шизофрении. Я видел и слышал то, чего не существовало. И Арон, и мистер Феррарс пытались вразумить меня, а я им не верил, считая, что прав здесь только я и никто больше. Так поступают многие больные.

Я заерзал под одеялом и почувствовал, что вспотел до трусов, словно только недавно пришел с речки и тут же улегся в постель. Холодный пот пропитал подо мной простынь. Вместе с сыростью я почувствовал раздражение, омерзение и холод. И в это же время образовалась дилемма. Чтобы вытереться полотенцем, я должен был встать с кровати. Но я знал: если покину ее, обратно лягу еще не скоро.

Так и случилось. Я обтерся, а следом, не задумываясь, надел белую футболку, коричневые брюки и вышел из комнаты, тихо прикрыв за собой деревянную дверь.

Я медленно брел по сумрачному коридору, боясь, что меня кто-нибудь обнаружит. Телефон я оставил в комнате, поэтому шел в темноте. Только настенные лампы помогали мне ориентироваться в лабиринтах замка. А каждый шорох заставлял ежиться от страха, останавливаться и прислушиваться к звукам, которые смешивались с мелодией. Попадаться на чьи-то глаза мне совсем не хотелось. Это не входило в мои планы.

Я добрался до комнаты за несколько минут. Но когда встал перед закрытой дверью и взялся за холодную, почти ледяную ручку, не смог повернуть ее, чтобы открыть. Что-то меня останавливало. Что-то запрещало заходить в обветшалое помещение, куда просилась душа. Но пианистка выполнила свою задачу – она заманила меня. Я словно находился под чарами и не мог повернуть обратно.

Пианистка играла тихую мелодию... В ней не было невыносимой грусти, как в тех, что я слышал ранее; она не заставляла мое сердце обливаться кровью, а щеки – слезами. Но и радость не вызывала. Казалось, с помощью этой мелодии девушка рассказывала о возвы-

шенной, но горькой любви. А такие истории всегда оставляют ожоги на сердце у слушателей. Я не стал исключением.

Но слушая игру белокурой незнакомки, я не заметил, как сжал кулаки в порыве мимолетной злости. Я почувствовал себя оскалившимся хищником. Странное ощущение злобы и тревоги распространилось по всему телу буквально на долю секунды, отравляя собой все мои органы и клетки. Я ревновал. Я действительно ревновал сидящую за фортепиано девушку к человеку, которому она посвятила музыкальную историю!

А когда незнакомка закончила играть, я все-таки повернул серебряную ручку и зашел в комнату. Дверь скрипнула, и девушка резко повернулась ко мне лицом.

– Добрый вечер, – мягко улыбнулась незнакомка. Казалось, она вообще не испугалась моего внезапного появления. И... это был корейский язык? Она что, поприветствовала меня на корейском?!

Я стоял в проходе и не знал, что делать дальше. Внезапно я поймал себя на мысли, что хочу убежать. Извиниться, развернуться и убежать. В присутствии незнакомки мне почему-то стало неуютно и, я бы даже сказал, прохладно.

Но я не шевелился. Пока в голове шумела вьюга, я стоял, как вкопанный, и смотрел на пианистку. Я не мог отвести от нее взгляд. Девушка была прекрасна. Бледная кожа, точеное овальное лицо, волнистые белокурые волосы до спины, часть которых была собрана на затылке в маленький хвостик. А еще эти милые завитки у самых щек! Корейки не такие. Моя страна всегда славилась красивыми поп-исполнительницами, но мне всегда не хватало в них европейской свежести и выразительности. В англичанке, – а пианистка явно была англичанкой, – меня сразу поразили ее большие глаза, аккуратный прямой нос и очерченные, как мазки художника, скулы. В образе корейнок этого нет, никогда не было и не будет. В отличие от сильных европейек, девушки моей страны – воздушные и нежные нимфы. А пианистка, казалось, совместила в себе все, что я так любил – кроткую нежность и необузданную власть. Я до глубины души поразился ее статности. Как и в прошлый раз, девушка показалась мне воплощением небесного чуда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.